

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ

Мария
Ораховская

ПОРТРЕТ
С ОДНОЙ
НЕИЗВЕСТНОЙ

ЭКСМО

Мария Очаковская

Портрет с одной неизвестной

Серия «Татьяна Устинова рекомендует»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=599957
Портрет с одной неизвестной: Эксмо; М.: 2011
ISBN 978-5-699-47700-5*

Аннотация

Он смотрел и не верил своим глазам. Неужели в этом старом дачном доме, куда его пригласила вчерашняя знакомая Лиза Сергеева, он видит картину самого Карла Брюллова? Причем это была работа, о которой художник писал в письме, недавно попавшем Павлу в руки совершенно мистическим образом.

Она смотрела и не верила своим глазам. Неужели портрет «тетки», который она помнила с раннего детства, принадлежит кисти Брюллова? Или это фантазия ее нового знакомого, копииста Павла Берсеньева?!

Этот день стал поворотным в жизни Лизы и Павла. Но слишком много людей знали, что обнаружен неизвестный ранее портрет работы Брюллова. К сожалению, в мире искусства сенсационные находки полотен великих мастеров часто сопровождаются громкими скандалами, связанными с кражами, подделками и грандиозными аферами. «Неизвестный» Брюллов

не стал исключением. Картина похищена. Но Павел Берсеньев сделает все, чтобы найти и вернуть ее Лизе...

Содержание

Есть три вопроса моей жизни	5
1. Без названия	8
2. В картинной галерее	11
3. Служанка	22
4. Лиза. Натюрморт с яблоками	30
5. В картинной галерее. II	35
6. Натюрморт с пастушком	41
7. По ту сторону картины	49
8. Дама с запиской	53
9. Подруга	58
10. Встреча в городе	66
11. Павел в Москве	70
12. Письмо	75
13. На выставке	77
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Мария Очаковская

Портрет с одной неизвестной

Есть три вопроса моей жизни

Есть три основополагающих вопроса моей жизни: «Когда вы начали писать?», «Где вы берете сюжеты?» и «Какие книги вы читаете?»

Мне всегда везет на книги – так получилось. В детстве мне их подсовывали бабушка с мамой, а потом я и сама научилась выбирать. И теперь совершенно точно знаю, что книга находит человека именно в тот момент, когда она нужна и может что-то объяснить, подсказать, заставить задуматься. И несмотря на то что я очень избирательный и очень искушенный читатель, я твердо уверена – читать нужно под настроение и то, что хочется сейчас: будь то лавстори, философский трактат, космическая эпопея или исторический роман в стихах.

Я совершенно точно знаю, что книга становится книгой, когда автору есть что сказать, когда он что-то открывает читателю, словом, простой текст получает право называться книгой, если в нем появляется уникальная, парадоксальная

идея. И книга, которую вы держите в руках – «Портрет с одной неизвестной» Марии Очаковской, – это действительно *книга*. Умный, интересно придуманный детектив, написанный легким и грациозным языком, где до самого конца непонятно, «кто же убил старушку», кому достанется картина и что же собой представляет главный герой.

А еще для меня очень важно, чтобы в книге было что-нибудь новое и доселе неизведанное – и речь сейчас отнюдь не об «Общем курсе физики» Дмитрия Васильевича Сивухина. Несмотря на то что большую часть выходных дней своего детства и отрочества я провела с мамой в Пушкинском музее и Третьяковке, мои познания о творчестве Карла Брюллова ограничивались картиной «Последний день Помпеи» и хрестоматийного акварельного портрета Пушкиной. И как это ни странно и ни дико бы показалось на первый взгляд, но из детектива Марии Очаковской «Портрет с одной неизвестной» я о Брюллове узнала больше, чем из всех моих многочисленных паломничеств по московским музеям. Потому что тогда было неинтересно. А сейчас внезапно стало интересно, и еще как!

Антураж, атмосферность, телесность придуманного Марией мира и всего происходящего на страницах «Портрета с одной неизвестной» делают книгу затягивающей и манящей. Действие разворачивается на фоне музеев, красок, мольбертов, поблекших, но не потерявших свою ценность забытых холстов, запаха олифы и подмосковного августовского лета

– игры света и тени.

Ну и, разумеется, хеппи-энд! Ну и, конечно, любовь – современная, но на все времена одна! Какой же детектив без этого?

Именно поэтому я рекомендую вам эту книгу. Я могу гарантировать, что вы точно проведете чудесный вечер за книгой – а может быть, и не один, – это ведь так важно – чтобы интересно и за книгой!

Мне приятно, что могу дать рекомендацию – я всегда с удовольствием и огромной благодарностью читаю хорошие книги, что мне рекомендуют мои близкие люди, люди, которым я доверяю.

И сейчас, как всегда, когда кому-то предстоит сделать что-то интересное, но уже пройденное мною, я немного завидую. Ведь вам только предстоит получить удовольствие – вы начнете читать «Портрет с одной неизвестной», и у вас-то еще все впереди!..

Так что читайте, и до встречи – за следующей хорошей книгой.

Татьяна Устинова

1. Без названия

Подмосковье, август, 20... г., гуашь/картон

Ветхая золоченая рама рассыпалась буквально у него в руках. Взметнулось и закружилось облако пыли, освещенное солнечными лучами, пробивающимися сквозь небрежно задернутые гардины.

– Настоящая пыль веков, – усмехнувшись, сказал он вслух и, чтобы унять волнение, присел на край стула.

– Реакция мужчины на нарушение эрекции весьма разнообразна, – откликнулся бодрый голос из соседней комнаты.

Там, как выяснилось, работало радио, в первые минуты страшно его испугавшее. Постоянный бубнеж действовал на нервы, он боялся не услышать, пропустить что-то более важное, но выключить радио не решился.

С подрамником пришлось провозиться минут пятнадцать. Старые ржавые гвозди, крепко державшие холст, вытаскивать было некогда, да и неудобно из-за перчаток, пришлось действовать очень быстро, поэтому кое-где остались мелкие дырочки.

– Ничего, ничего, так надо, – подбадривал он себя.

Сердце отчаянно колотилось. Как после изнурительного бега, со лба сбегали ручейки пота. Наконец и с подрамни-

ком удалось справиться. Деревянная конструкция полетела на пол. «Время, время», – напомнил он себе.

– Часто половые расстройства наблюдаются у тех, кто постоянно находится в дефиците времени и, боясь не успеть, спешит, – назидательно сообщил радиоголос.

– Это точно, – пробурчал он и начал бережно скручивать холст. Потом завернул его в прихваченную с собой фланель, аккуратно положил в сумку и, закатав перчатку, снова посмотрел на часы.

Если он правильно рассчитал, в запасе оставалось еще минут двадцать. Все получится, все идет хорошо, а уж дальше... все будет просто замечательно.

На улице загрохотала машина. Этого еще не хватало. Но грузовик не остановился, через несколько секунд звук мотора совсем затих. Стараясь абстрагироваться от радио, от гулких ударов собственного сердца, он вслушивался в звуки, доносящиеся с улицы. Время, время. Он отряхнул перчатки и хотел было уже их снять. Нет, еще рано...

Повесив сумку на плечо, он аккуратно прикрыл дверь спальни и прошел через комнату и коридор в прихожую. Оттуда вела еще одна дверь, на кухню. До чего бестолковая планировка, подумалось ему. Он облизнул пересохшие губы. Так, главное, все сделать аккуратно... а еще избежать непредвиденного, не хотелось бы неприятных сюрпризов. В ту же минуту откуда-то из кухни донесся голос, но это было уже не радио...

Он ударил его два раза. В первый раз рука предательски дрогнула. Стоявший человек только громко охнул и покачнулся. А после второго удара упал как подкошенный, нелепо взмахнув руками, лицом вниз. Волосы на его голове мгновенно пропитались кровью. Маленькие красные ручейки потекли на пол, окрасив ворот тенниски.

– Что же я делаю, – часто дыша, прошептал он, наклонившись к лежащему.

По линолеуму стремительно расплзалась кровавая лужа. Он поспешно отступил назад, по-прежнему сжимая в руке чугунный пестик.

«Время», – снова напомнил он себе, сунул пестик в сумку, развернулся и быстрым шагом направился к выходу.

2. В картинной галерее

Чехия, март 20... г., холст/масло

Павел работал четыре часа. Глаза устали и слезились. Спина затекла. Правая рука отяжелела. Он встал, походил вокруг этюдника, расстеленный под ногами полиэтилен шуршал и мешал сосредоточиться. Дурацкий раскладной стул раздражал. Оставлять начатое не хотелось. Сегодня ему повезло – посетителей в зале было немного. Старушка-смотрительница, докучавшая ему в первый день, унялась. Казалось бы, работать в таких условиях одно удовольствие. Но что-то не складывалось. Простуда, прилипшая еще в самолете, сказалась чудовищной головной болью, насморком и оглушительным кашлем. Руки, ноги ломило. Вот досада – времени в обрез, и сразу заболел! Посидев пару минут с закрытыми глазами, он прикинул, сколько времени остается до закрытия музея. Получалось еще часа два с лишним. «Вечером буду усиленно лечиться». Если все пойдет удачно – завтра в зале он проведет последний день. Потом неделя в мастерской... но лучше не загадывать.

Причин для спешки не было, заказчик со сроками не торопил. Павел выполнял для него уже третий заказ. Сергей Иванович богатый, но щедрый. Всегда платит столько, сколько обещает, точно и в срок. Где он работает, чем занимается

– Павел никогда не интересовался и не спрашивал. Просто бизнесмен, и этого достаточно. Они познакомились в ЦДХ на антикварном салоне, который Павел, будучи художником-копиистом, посещал по привычке каждый год и с каждым новым посещением все больше и больше разочаровывался. В тот год салон свел его с Сергеем Ивановичем. Бизнесмен не слишком разбирался в живописи, но умел слушать и ценил мнение профессионала. Первую работу он купил у Павла прямо со стены в мастерской. Это была довольно удачная копия с известного натюрморта Коровина «Гвоздики в белой вазе», еще времен Сурка, старательная, но не без огрехов. Тогда Павел еще не знал, что станет копиистом, были у него честолюбивые мечты о собственных полотнах, надежды... но все это оборвалось в одночасье... и вот уже без малого двадцать лет он занимается копией. Без сомнения, Павел считается первоклассным копиистом, многие его знают. «Широко известный в узких кругах», как он говорит о себе сам. Профессия всегда диктует свои правила. Удел копииста – оставаться в тени. «Павел Берсеньев, копия с работы того-то, в натуральную величину» на обратной стороне холста – это все, что он мог себе позволить.

Спустя короткое время Сергей Иванович позвонил ему посоветоваться.

– Так, знаете ли, хочется красоты и одновременно значительности, – сказал бизнесмен. Он увлеченно украшал недавно отстроенный где-то в ближнем Подмосковье особ-

няк. – Давайте что-нибудь придумаем вместе для кабинета, что-нибудь небольшое, может, портрет.

И они придумали. Выбор пал на одну из работ кисти Левицкого, точнее, портрет Ивана Шувалова, елизаветинского фаворита. Университетские ли заслуги графа были тому причиной или покровительство художественной академии – непонятно. Но Сергей Иванович захотел копию именно с портрета мецената. Работа неизбитая, сочная, небольшая по размеру – словом, то, что требовалось.

– И, пожалуйста, Павел, как вы умеете, с эдакой патиной старины! – Сергей Иванович говорил о кракелюрах, многочисленных хаотично покрывавших всю поверхность красочного слоя трещинках, без которых копия, пусть даже самая виртуозная, оставалась предметом современного изобразительного искусства. С ними же картина сразу приобретала «поживший» вид.

Павел съездил в Павловск, посидел несколько дней в музее. А недели через три отдал заказчику уже готовую работу. Шувалов понравился тому еще больше. Сергей Иванович аж заплясал от радости, увидев копию портрета, и отвалил за нее даже больше, чем условились.

– Однако вы мастер! Да как это возможно! Только паутины не хватает! – нахваливал его Сергей Иванович, не предполагавший, что кракелюрная сетка – это, быть может, самое простое в создании копии.

Постепенно между ними установились близкие отношения. Иногда Сергей Иванович заходил в мастерскую просто так, на чашку чая, и они беседовали. Он смотрел, живо интересовался тем, что делал Павел для других заказчиков, засыпал его вопросами. Невежество бизнесмена окупалось удивительным умением слушать. И хотя Павел был не слишком разговорчив, о своем ремесле он знал много и охотно этими знаниями делился.

Месяца полтора назад у Сергея Ивановича созрел новый заказ. На этот раз все было еще проще. Он сам принес и показал Павлу репродукцию. Малоизвестная и редко тиражируемая работа К. Брюллова – портрет актрисы Джульетты Беллини. Копия, как понял Павел, заказывалась в подарок даме, строго к определенной дате.

– Понимаете, тут поразительное сходство имеется, просто как две капли воды похожи, – несколько раз повторил Сергей Иванович, не входя в подробности. Павлу выбор заказчика понравился, только...

– Позвольте, но ведь эта вещь в Чехии? – спросил он, предвидя издержки, связанные с поездкой.

Но оказалось, что Сергея Ивановича это нисколько не смущает.

Как обычно, сделав запрос в Интернете на Art Professional photos, – через них уже не первый год Павел заказывал репродукции, с которых начиналась работа над копией, и получив стандартное «оплачивайте – высылаем», – он позвонил

Сергею Ивановичу уточнить сроки. Недели две ушло на то, чтобы уладить кое-какие формальности с отношением¹ в администрации музея и оформить поездку. И вот три дня назад Павел наконец добрался до Н-ского замка, где в настоящее время располагался городской музей, а в зале № 4, бывшей библиотеке, висел портрет сеньоры Джульетты Беллини кисти русского француза, одного из самых ярких художников XIX века Карла Павловича Брюллова.

Первые два дня после приезда пролетели как один миг. Павел работал быстро, не замечая времени, не чувствуя усталости и голода, пока не иссякнет порыв. Досадовал он только на то, что музей закрывают в шесть и ни минутой позже.

Портрет на самом деле оказался превосходным и несколько не обманул его ожиданий. Это был настоящий зрелый Брюллов. Модель, сеньора Джульетта Беллини, производила впечатление не просто красивой женщины. Она была личностью и, безусловно, нравилась художнику, умевшему ценить красоту и индивидуальность. Лишенный пафоса и парадности, портрет поражал своей элегантною простотой. Спокойная поза – дама словно присела отдохнуть перед выходом в гостиную – была естественной и убедительной, а вечерний пейзаж за окном подчеркивал ощущение покоя и тишины.

Она сидела в удобном кресле, положив правую руку на миниатюрный столик красного дерева. Левая рука, покоив-

---

¹ Разрешительный документ для работы в залах музея.

шаяся в складках бархатного платья, держала скрученную в свиток пожелтевшую страницу, на которой отчетливо виднелись две латинские буквы С и В. Автор прибег к излюбленному во времена Возрождения приему ставить подпись на предметах, изображенных на холсте. Золотистые волосы обрамляли правильный овал лица, едва заметные ниточки бровей, широкий открытый лоб, четко очерченные губы... Безусловно, она была молода, красива... и умна, о чем говорил внимательный, чуть высокомерный взгляд уверенного в себе человека.

Но самое главное, что отметил для себя Павел еще в первые минуты «знакомства» с сеньорой Беллини (у него как у опытного копииста была выработана своя, совершенно особая система оценки портретов), она легко, практически сразу, откликнулась и пошла с ним на контакт. В голове как будто зазвучала музыка, тихая, нежная...

Третий день пребывания Павла в Чехии начался неудачно. Во-первых, о себе дала знать простуда, на которую он сперва махнул рукой, с головой уйдя в работу. Всю ночь шел дождь, и к утру в гостиничном номере стало холодно. Павел с трудом поднялся с постели – его разбудил звонок мобильного. Спросонья он никак не мог взять в толк, что от него хотят: звонивший спрашивал, не знает ли он, где сейчас находится какой-то Бурундуков. В трубке затрещало, остальные вопросы он не услышал, но на всякий случай сказал, что ничего не знает, и нажал отбой. Во-вторых, по дороге в му-

зей Павел наступил в лужу и промочил ноги. А в-третьих, он почти на час опоздал.

Сейчас, сидя за этюдником перед своей дамой и глядя, не отрываясь, на ее лицо, он вдруг понял, что ошибся. Спокойный, немного надменный взгляд Джульетты как будто стал теплее. Холодность куда-то исчезла, и чем больше он всматривался в ее лицо, тем меньше понимал, какое оно и каким должно быть на картине. Мелодия, звучавшая в голове, затихла. Теперь ему и вовсе казалось, что модель на портрете «устала» и в ее взгляде появилась какая-то осоловелость.

«Глаз замылился», – подумал Павел, растирая кисть левой руки и затекший от палитры большой палец. Он встал, походил вокруг этюдника, пошуршал расстеленным полиэтиленом и сделал несколько шагов к картине. Казалось бы, за три дня он изучил каждую деталь...

Неожиданно сквозь большие, наполовину прикрытые грязноватыми маркизами окна в зал ворвались солнечные лучи. Освещение изменилось. Павел стоял совсем близко – капризная модель была на расстоянии вытянутой руки... и, бросив взгляд на лицо дамы, застыл на месте... *она улыбалась!* Несколько секунд он буравил ее глазами. Холодок пробежал по спине. Наваждение какое-то! Легкая полуулыбка играла на ее губах. В глазах появилась лукавая искорка. Как же так? Что же это?

Он приложил руку ко лбу, потер виски. В голове шумело. Температура, что ли? На всякий случай Павел достал из сум-

ки маленькую бутылку минералки и, порывшись в карманах жилета, нашел таблетку аспирина. Старушка-смотрительница тихо сидела на своем стуле. Посетители в конце дня растворились вовсе. В полном недоумении Павел стоял и смотрел на неожиданно развеселившуюся модель.

– Все! На сегодня хватит! – сказал себе он и оглушительно чихнул, громкое эхо прокатилось по залу. Смотрительница дернулась и по-чекистски уставилась на художника.

«Правильно. Пора заканчивать... завтра со свежими силами приду и продолжу», – решил он и стал собираться.

На улице было свежо. Дождь прекратился. Из-за туч робко выглянуло солнце, и в лужах заиграли солнечные зайчики. Павел почувствовал себя лучше. Он решил дойти до ближайшего кафе и выпить чаю, а потом вернуться в гостиницу и хорошенько выспаться. Сегодня он уже не будет ни работать, ни думать о работе. Но мысли, как назло, возвращались в музей, к портрету.

Дорога от замка спускалась по небольшому, покрытому пожухлой травой холму к ручью, который наполнял чудом уцелевший ров вокруг замка. Деревянный мостик, переброшенный через него, выводил к музейной калитке с будкой билетера и к парковке для машин, обсаженной кустами самшита. Напротив входа, через дорогу, стоял трактир. Прелестный каменный домишко под черепичной крышей, как будто сошедший со старой гравюры, буквально врос в землю. Чувствуя себя совершенно разбитым, Павел уселся за сто-

лик, достал большой носовой платок и сделал заказ – чайник черного чая, рюмку водки и суп с кнелями. В сумке проснулся мобильный, это была Юлька, его двоюродная сестра.

– Слушай, я через неделю приеду. Ты будешь в Москве?

– Да-да, кодечдо. Я тебя встречу, только скажи домер рейса.

– А как ты сам? Что-то голос у тебя простуженный?

– Да все более или бенее... Дасборк только... Простыл. До все равдо работаю. В субботу буду в Боскве. А как ты?

– Все как обычно. Ничего сенсационного.

– Здорово, что приезжаешь.

– Ну, целую. До встречи.

Павел не спеша сделал глоток чая и, почувствовав вкус Melissa, сразу вспомнил бабушку, дачу, сиамского кота Сеньку и Юльку, терпеливо сидящую на стуле – она была его первой моделью, слово «натурщица» они еще не знали.

Тогда на даче, с бабушкой и Юлькой, пожалуй, и началось его увлечение рисованием. Цветные карандаши, акварельные краски в плоской картонной коробке с неудобной кисточкой, – правда, потом он приноровился рисовать палочками с ватным наконечником, – немного позже появились фломастеры, привезенные папой из какой-то командировки, они писали сочно, ярко, их не надо было слюнявить, как карандаши, и это оказалось настоящим счастьем.

Как-то бабушка, это было уже в Москве, прихватив пап-

ку с его рисунками, отвела Павла в Дом пионеров. Там учили петь, плясать, играть на баяне, ну и рисовать, конечно. Учителем рисования оказался бровастый дядька небольшого роста в короткой меховой безрукавке, он очень обрадовался новому ученику: «У тебя хорошие рисунки. Ну что, хочешь стать художником?» – И усадил его за трехногий мольберт, объяснив, что называется он «рембрандтовским», потому что такую форму мольберта придумал голландский художник Рембрандт. Он прикнопил к мольберту лист бумаги и велел Павлу рисовать натюрморт – вазу с фруктами, стоящую на белом подиуме. Ваза была кособокая, а яблоки и груши – с белыми щербинками. Потом Павлу сказали, что фрукты не настоящие, а из парафина. Сидящие рядом тоже корпели над вазой. Кто-то смотрел на нее сквозь карандаш, чтобы «чувствовать масштаб предмета». На шкафу и на полках стояли гигантские белые безглазые головы, лежали носы, руки и ноги, как будто их отрезали у великанов. Было непривычно, но интересно.

Сначала на рисование его водила бабушка, а иногда мама. Идти было недалеко, все время прямо-прямо, у метро «Кировская» – налево, а потом в переулок, через палисадник, и ты уже на месте. Постепенно осмелев, он стал ходить один. И это было здорово. Он казался себе страшно взрослым, серьезным, большую папку с рисунками Павел нес впереди себя, чтоб было позаметнее. Учитель Павла хвалил. Особенно когда забирать его приходила мама. До него до-

летали обрывки фраз про «учиться дальше» и про способности. Но и мама придерживалась другого мнения, конечно, учиться, пусть даже рисованию, – можно. Но только в дополнение к французскому языку! «Кем бы ты ни был – язык тебе всегда пригодится, как говорят, будет *le pain et le plaisir*»². Мама была переводчицей и, понятное дело, отдала сына во французскую спецшколу. Под ее нажимом приходилось зубрить неправильные глаголы и тарабанить фонетические упражнения. А стоило только завести разговор про рисование.... как она сразу теряла к нему интерес.

Память Павла плавно перетекала с одного на другое. Он даже не заметил, как воспоминания затянули его в тот самый черный омут, за ту черту, через которую переступать ни в коем случае нельзя. Он сам запретил себе вспоминать и думать об этом. Он сам так решил. И поэтому еще жил.

---

² И удовольствие, и заработок (фр.).

3. Служанка

Фуншал, середина

XIX в., масло/холст

Спина ее выгнулась колесом, по лицу пробежала страшная судорога, голова наклонилась чуть вбок, и черная зловонная рвота тонкой струйкой засочилась изо рта на постель. Члены ее напряглись, на шее надулись вены, руки хватали батистовый ворот рубахи, сбившуюся простыню. По подушке рассыпались драгоценные зеленые камушки – порвалось любимое ожерелье моей госпожи. Пресвятая Дева Мария, не оставь ее милостью своей. Больше трех суток длятся ее страдания. Разве под силу человеку, а тем более женщине, вынести такое. Даже смотреть на ее муки невыносимо.

Запекшиеся губы приоткрылись, госпожа, видно, хотела что-то сказать, но голос ее был так тих, что я не разобрала ни слова. Тяжелые веки приподнялись, она искала глазами меня.

– Я тут, тут, госпожа, я с вами. Что вы хотите, что? Говорите. – Подойдя к туалетному столику, я взяла кувшин и, смочив водой полотняное полотенце, принялась протирать измученное лицо моей хозяйки. «Господи, Твоя воля, избавь ее от страданий». Видно, слова мои были услышаны, и судорога отступила, синьора как будто немного успокоилась,

черты ее разгладились, и она чуть заметно кивнула мне.

– Я сейчас, я все сделаю... Что вы хотели, повторите, господа, что? – опустившись на колени, твердила я, припав к ее груди, пытаюсь услышать хоть словечко. Но она молчала. Несколько минут спустя папаша Жозе, наш садовник, подошел и тронул меня за локоть:

– Оставь, Мариза, разве ты не видишь, все кончено. Ты ей уже ничем не поможешь. Она умерла.

Только после этих слов я заметила ее остановившийся взгляд. Большая черная муха, громко жужжа, покружив, опустилась на впалую щеку моей бедной хозяйки. Хлопнули ставни, теплый влажный ветер ворвался в комнату. Башенные часы на площади пробили пять пополудни. Слезы хлынули у меня из глаз, к горлу подступил комок.

– Ну, ну, поплачь, Мариза, поплачь. Она была хорошей госпожой, доброй, а уж какой красавицей, во всем Фуншале такой не было. – Папаша Жозе похлопал меня по плечу. – Все, отмучилась. Кончились ее страдания. Да и твои тоже. Виданное ли дело, три дня не спишь, от нее не отходишь. Ничего... теперь ей должно быть лучше... хотя... кто же знает. – Он, крестясь, отступил от ложа.

Я почти ничего не слышала из того, что говорил Жозе, а все стояла, плакала и смотрела на мою бедную хозяйку, гладила ее блестящие черные локоны, нежные руки. Я помнила их еще такими маленькими, розовыми, пухлыми, в перевязочках.

– Глаза закрыть полагается, – подал голос из-за моей спины папаша Жозе.

Я и без него знала, что полагается, но говорить ничего не стала. Не первый раз покойника видела. И отца, и братьев своих обряжала и хоронила. И донну Клару, хозяйкину мамашу, и сына ее, он младенцем представился. «Ох, кто же знал, что Господь заберет ее раньше меня, старухи. Ей бы еще жить да жить», – думала я, накидывая на мою госпожу белый полотняный покров.

– Что же нам теперь делать? Как мы одни, без хозяина? – спросил папаша Жозе, и в голосе его чувствовалась растерянность.

– Что положено, то и будем делать, – оборвала я его. Вот глупый старик, смолоду умом не блистал, а к старости и во все дураком сделался.

– Не болтай, Жозе. Лучше сперва сходи позови Аниту, она мне поможет. А потом пойди в Санта-Клару, за отцом Доминианом, он, должно быть, уже вернулся. Если нет – передай службе, что, мол, так и так, мы его ждем.

Вытащив из комода черный креп, я подошла к зеркалу, к тому самому треклятому зеркалу, что осталось после русского художника. Маленькая трещина в правом углу почернела и расползлась. Говорила я хозяйке, плохая примета. Да разве кто меня послушает...

– Да-а-а, Мариза, дожили мы, – снова раздался голос папаши Жозе, который все стоял в дверях и, как мул, качал

головой.

— Никакого проку от тебя нету! Иди делай, что велено, да пошевеливайся. — С ним всегда так, не прикрикнешь, с места не сдвинется.

Старик ушел. Оставшись одна, я немного прибрала в комнате, прикрыла ставни, задернула тяжелые занавеси, чтоб не так припекало, приготовила чистое белье, натаскала в кувшины воды и пошла в кладовую за свечами. А там... так и обомлела на пороге — из-за полук со всякой снедью на меня смотрела ОНА, моя госпожа, внимательно так смотрела, как будто укоряла в чем-то. Поначалу сердце мое обмерло, но минуто спустя я опомнилась. Это же хозяйкина картина. Она сама распорядилась спрятать сюда портрет, когда все началось. Госпожа на нем совсем как живая. Не мне судить, но тот *el russo*, похоже, и впрямь хороший художник, если люди на его картинах словно живые сидят. Но лучше бы ему не приезжать сюда. Ничего бы тогда не случилось.

Жили бы мы себе и жили, как умели. Не сказать, чтоб очень счастливо. Синьор Гомэш ведь и прежде угрюмый был, неразговорчивый, *goto domato*, правильно люди говорили — «бирюк». Улыбки на его лице я за все годы, что служила у них, не видела. Но как врача его уважали, можно у любого в Фуншале спросить. И денежки у него водились. Только вот бедняков он не лечил. Может, оттого и водились. Хотя мне за синьору все равно обидно было, жалела я ее. Молодая (синьор-то ее на восемнадцать лет старше), красивая, веселая,

добрая. Ни о ком плохого слова за всю жизнь не сказала. Уж я-то знаю, как-никак двадцать с лишним лет за ней хожу. А как стала она замужней дамой, тут слезы и начались. Не любила она его, никогда не любила, старалась полюбить, да не получилось. Это я уже после их возвращения поняла. Она с хозяином в путешествие на Восток уезжала, он у тамошних докторов секреты перенимал.

Я тогда думала, ничего, пройдет, перемелется, детки родятся, вот жизнь у синьоры и наладится. Но Господь по-другому распорядился. После смерти сына промеж них еще больше разлад пошел. Только окажутся вдвоем в комнате, я из-за двери слышу, как он все моей госпоже выговаривает: то платье ее не годится, слишком вырез глубокий, то шляпка, как из «веселого дома», то от подруги вернулась поздно. Ну а когда этот russo приехал и хозяин его лечить стал, тут совсем все вкривь и вкось пошло. Синьора моя ожила, повеселела, как же, такой известный pintor с нее картину пишет. А муженек-то чернее тучи стал. Ходит, глазами сверкает и все на жену шипит. Нет, думаю, из этого добра не выйдет. И как в воду глядела.

Однажды, уже после того, как русский уехал, слышу я их разговор, да и кто меня осудит, что под дверями стояла. Я госпожу свою в беде не оставляю, сирота она, некому больше за нее вступить. А разговор у них и впрямь был страшный. Провалиться мне на месте, если я еще когда-нибудь слышала, чтоб благородный синьор такие слова жене своей гово-

рил. А она все молчала, терпела, ни словечка поперек не вставила, только уж под конец тихо ему так сказала: «К чему нам друг друга мучить, нет между нами ни любви, ни уважения. Ваше презрение ко мне само подсказывает разумный выход. Отпустите меня. Давайте расстанемся. Вы еще будете счастливы». Не знаю, что он ей ответил, слов я не разобрала, только через мгновение госпожа моя вскрикнула. Тут я не утерпела и постучалась в дверь, благо поднос с лимонадом у меня в руках был.

С того самого разговора в голове у него, видно, и завелись черные мысли. А что тут еще скажешь, коли цветущая молодая женщина, здоровьем госпожу Элену Господь не обидел, в один день взяла да заболела. Сперва на мигрень жаловалась, потом жар и колики в животе начались. Вся затряслась как в лихорадке. А хозяин-то, как назло, к больному уехал. Еще до восхода солнца собрался. Говорит:

– Ты, Мариза, меня рано не жди. Туда да обратно – путь неблизкий.

Теперь-то я поняла, какие дьявольские мысли у него на уме были.

А горlinkа моя все терпела, ждала, другого доктора звать отказалась, даже когда ей совсем худо стало, про мужа спрашивала. Да какой тут, его и след уже простыл. Ведь до сих пор о нем ни слуху, ни духу.

На следующее утро госпожа в беспамятство впала. Послали за доктором – а он только руками развел. Зовите, говорит,

отца Доминиана, пока не поздно. Так мы с Жозе и поступили. Под вечер госпожа в себя пришла и ей как будто лучше стало. Вот тогда она меня к себе подозвала и тихо прошептала:

– Ты, Мариза, портрет мой себе возьми, сохрани, будет по мне у тебя память. Ты ведь моя единственная, – так и сказала «единственная», – я тебе все отписала...

Тут я залилась слезами. Как же я без нее останусь, никому на всем белом свете больше не нужна, ни семьи нет, ни детей. Вся моя жизнь в ней, в синьоре Элене. Да и много ли мне, старухе-то, надо.

– А его прощаю... – прибавила она, но не договорила, потому что у нее снова судороги пошли. Боль разрывала все ее тело, вырываясь наружу кроваво-черной зловонной рвотой. Не приведи Господи кому такие мучения.

Сколько я так просидела подле своей госпожи, не знаю. Опомнилась только, когда в светильнике у двери затрещала и потухла свеча, а на пороге кто-то кашлянул. Пришла Ани-та-плакальщица. Сама же ведь за ней посылала. Все правильно, она хоть и любит пропустить рюмку-другую, но зато дело свое знает и не из болтливых. Спустя короткое время в комнату поднялся служка из церкви Святой Клары, хороший мальчик, еще почти ребенок. Положив на стул сверток, он размашисто перекрестился.

– Отец Доминиан скоро будет, и чтицы за ним следом идут, – разнесся по комнате его тонкий детский голосок.

Что же, малыш, отчитайте хорошенько молитву на исход души госпожи моей, синьоры Элены Гомэш.

4. Лиза. Натюрморт с яблоками

Валентиновка, август

20... г., акварель/картон

В августе жизнь на даче превратилась в сплошной кошмар. Старые, посаженные еще дедом яблони, всю зиму копившие силы, в середине июля начали плодоносить и к августу, превзойдя самих себя, выдали какой-то неслыханный урожай. Яблоки падали, падали и падали. Разноцветный ковер из плодов, равномерно покрывавший лужайку вокруг дома, садовые дорожки, ежедневно обновлялся. Пара дней простоя в сборе урожая, и этот ковер грозил превратиться в пюре. Паданка – а именно так называется яблоко, упавшее с дерева самостоятельно, – начинала портиться и гнить. Перерабатывать, мочить, варить пюре, варенье, шарлотку было просто некогда, так как все силы уходили на ежедневный сбор урожая. Под тяжестью ябллок ломались старые ветки. Тазы, корзины, ведра и коробки, доверху наполненные плодами, заняли все пространство садового домика и террасы.

Молдаване, строившие на станции магазин, пару раз неохотно соглашались рублей за двести собрать урожай и, что самое главное, унести его с собой. На третий раз они запросили больше, Лиза не умела торговаться и ушла. «Буду закапывать», – решила она и, порывшись в сарае, вытащила

ржавую лопату, от которой мгновенно отвалился черенок.

Отпускные дни убывали, а плоды прибывали... и ей стало казаться, что теперь она сама напоминает яблоко.

Конечно, поначалу дачная ссылка доставляла ей удовольствие. Работа, компьютер, потные люди, раскаленный асфальт, пылица, бесконечные пробки – в Москве все надоело так, что гиря зашаркала по полу. В городской квартире в центре города было жарко и душно. Кроме того, каждую ночь приходилось отбиваться от полчищ комаров. Из влажного глубокого подвала они поднимались целыми тучами. Как шишига на болоте, Лиза сидела у себя в квартире и ненавидела все кругом. Электрическая комароморилка спасала плохо. Комары не кусали, но пищали. Мерзкий писк не давал уснуть. Вне зависимости от времени суток в открытые окна врываются звуки соседней стройки и крепкому сну тоже не способствовали.

Лиза отчаянно хотела куда-нибудь уехать и, наткнувшись в Интернете на восхитительную фотку безлюдного песчаного пляжа Бретани, захотела еще больше.

«А почему бы и нет? Чем я хуже других?» – подумала она и тут же озвучила свою идею в кабинете директора, вернее директоров, потому что их было двое. Начальство ее выслушало и без колебаний предоставило двухнедельный отпуск. С заказами в августе все равно не густо. Но оформить документы на пустынные морские пляжи у Лизы времени, естественно, не хватило – в турагентстве на нее только руками

замахали.

– Виза, билеты, бронирование гостиницы. Девушка, вы что, с Луны свалились?

Планы пришлось менять. Слава богу, есть дача с тенистым садом, а в деревянном доме не жарко и спится замечательно.

«Вот только уединенность мне там не светит», – размышляла она.

С конца мая дачу в Валентиновке плотно оккупировали Лизины домочадцы – мама, Ольга Васильевна, двенадцатилетняя дочь Василиса и домоправительница Серафима, которых Лиза регулярно навещала, исполняя их многочисленные просьбы и капризы. А они, как галчата в гнезде, сидели и настойчиво требовали внимания. Случилось так, что после развода Лизе в их женском коллективе против ее воли досталась роль лидера, главы семейства. А что делать-то, если больше некому! С ее точки зрения, со своими обязанностями она справлялась неважно.

– Нет, с девушками не отдохнешь! У мамы наверняка уже созрел очередной иезуитский план либо ремонта, либо покраски. Словом, прощай отпуск. Знаем, проходили. Хотя... что-то недавно они говорили про... Завидово? Точно! Как кстати!

И Лиза отчетливо вспомнила, что Ольга Васильевна действительно заводила с ней разговор о поездке на Волгу, на дачу к ее институтской подруге. Мол, там прекрасные усло-

вия, большой дом, два сенбернара, а Васька обожает собак, и до реки минут десять пешком. Кроме того лес, грибы, парное молоко и прочие сельские радости.

— Вот и славно. Должно быть, им самим уже порядком надоело сидеть на собственной даче. Тогда завтра... нет, сегодня еду в Валентиновку и сразу договарюсь с машиной для девушек. В лучшем виде их погрузят и доставят. Решено.

Недолгие сборы, нехитрый скарб. И вот Лиза уже стоит на улице и ловит машину в область.

Первые дни на даче Лиза отсыпалась, с удовольствием и со знанием дела, потом загорала, читала детективные новинки, спасибо соседке, большой их любительнице. Далее, согласно плану оздоровления, рассекала на велике. Можно было не краситься, ходить в чем придется, вставать когда захочешь, готовить и есть или не готовить и не есть. Не было ни компьютеров, ни служебного мобильного с его заунывным звонком. Компанию ей составляла только кошка Марта. Вечерами они вдвоем вдохновенно собирали 2000-й пазл с гогазовскими таитянками. Примерно на третий день стали заедать быт и яблоки. Лиза пыталась дозвониться до Серафимы. Результат получился неутешительный: та уехала по делам в Москву и в ближайшие дни возвращаться не собиралась. Уединение пришлось нарушить и пригласить сборщиков плодов, впрочем, молдаване с разговорами не приставали. На пятый день, когда Лиза выглянула из окна и увидела

прежний пейзаж с яблоками, из ее груди вырвался стон. «Да когда же наконец это кончится!» Но, вспомнив о сретенских комарах, сразу осеклась.

5. В картинной галерее. II

Чехия, март 20... г., холст/масло

От музея до отеля было недалеко. Гостиница, замечательная, маленькая, почти семейная, располагалась на окраине городка. Уютный старый каменный дом внутри тоже выглядел совсем несовременно. Старинная деревянная стойка в вестибюле, поживший кожаный диван, кресла, кружевные занавески на небольших окошках – все это погружало в уютную атмосферу прошлого. В номере стояли дубовая кровать, снабженная высокими подушками, периной и лоскутным покрывалом, платяной шкаф начала XX века, крошечное бюро со стулом и сундук, служивший прикроватной тумбочкой. По стенам висели хозяйкины вышивки в рамках, фотографии. Два маленьких окна выходили на овраг, за которым начинался то ли парк, то ли лес. Все здесь было не до фанатизма ухоженное, так что неприятное ощущение стерильности операционной не возникало. Одно слово – рай-место.

«Сейчас попрошу принести мне термос с чаем в номер и лягу под перину лечиться», – решил Павел.

Однако вместе с ключом от номера портье подал ему записку – неудачный день продолжал преподносить сюрпризы. «Кто, зачем, это, скорее всего, ошибка...» Коммуника-

ция была затруднена, так как Павел не говорил по-чешски. В конце концов ему удалось понять, что ошибки никакой нет, часа в три пришла женщина, иностранка, спросила, в каком номере остановился русский художник, и оставила эту записку. Павлу послание сразу так не понравилось, что он захотел его выбросить, не читая. Нет! Как же так! Нельзя... Хотя что-то в глубине души говорило: «Не читай! Не надо! Хуже будет!» Придя в номер, раздевшись, разложив сумку и выпив чаю, он ощутил приятное тепло, ему стало хорошо, уютно. Он смело достал из кармана сложенный вчетверо листок и прочел. Текст был написан по-русски. «Мне срочно надо с вами встретиться. Это очень важно». Далее записка обрывалась. Подписи не было. Почерк небрежный, торопливый, женский. Павел надолго задумался, бред какой-то, но, так ничего и не решив, прилег на кровать и мгновенно заснул. Когда он проснулся, в номере было совсем темно. Включив свет, он обнаружил, что, доставая вещи из сумки, поставил портрет вверх ногами. Быстро вскочив, он переставил его и снова лег.

В дверь постучали.

– Дельзя! – охрипшим насморочным голосом выкрикнул Павел из-под одеяла. Стук прекратился. Это еще что такое? Подойдя к двери, он резко распахнул ее и услышал удаляющиеся шаги.

«Лучше снова лечь», – решил Павел и залпом опрокинул в себя полстакана водки, прихваченной с собой из Москвы.

Лекарство подействовало. На сей раз он спокойно проспал до утра.

На следующий день пожилую музейную смотрительницу сменил на посту нервный рыжий юноша. Хорошо выспавшийся, со свежими силами Павел прошел в зал и стал неспешно раскладывать этюдник. Про вчерашние мистификации он не вспоминал. По счастливому стечению обстоятельств последний день работы в зале совпал с каким-то музейным выходным. Приветливая заместительша объяснила, что сегодня в залах будет производиться уборка, а туристов не будет. Но он сможет работать. Какую все-таки отличную ксиву выправил ему приятель из Третьяковки!

Поначалу нервный смотритель проявлял заинтересованность, крутился вокруг этюдника, стоял за спиной – хуже нет, когда смотрят на незаконченную работу, примета плохая. И Павел так недовольно зыркнул на него, что тот мгновенно стрельнул в другой конец зала к своему стулу. Приготовившись, Павел поднял глаза на портрет и вновь услышал прежнюю тихую мелодию. Взгляд сеньоры Беллини ответил ему той же спокойной сдержанностью. «Вот и замечательно! Вот и спасибо вам большое, госпожа Джульетта!» – подумал Павел и с каким-то особенным энтузиазмом продолжил работу.

Дело близилось к концу, в общих чертах портрет был готов. Столик красного дерева, окно с открывавшимся за ним

вечерним пейзажем, кресло, бархатный лиф и складки платья, которые бликовали, и с ними пришлось повозиться, волнистые волосы, ореолом обрамлявшие лицо модели, – словом, все это имело уже вполне законченный вид. И с цветом он не напортачил, работая еще в Москве по фотографии. Сейчас он занимался лессировками, накладывая мягкой кистью слой за слоем полупрозрачные тона на руки, плечи и лицо. С рукой, лежащей на столе, он уже справился и остался доволен. Как живехонькая! Другой, державшей свиток, Павел был поглощен в настоящую минуту.

Оторвав взгляд от мольберта, он посмотрел на часы. Время тянулось необычно медленно. Нервный зритель, вопреки всем существующим инструкциям, куда-то исчез. Павел остался совершенно один. Он встал и, чтобы размять ноги, прошелся по залу. Его шаги гулко отдавались эхом – полупустой зал, бывшая библиотека замка, был небольшим, с высоким, чуть не пятиметровым потолком. Павел подошел к окну. На улице начинал накрапывать дождь. По небу разлился сочный градиент от серого к темно-серому.

Вдруг Павел насторожился и замер. У людей есть интересный рефлекс – безошибочно угадывать, когда на тебя смотрят. Он резко обернулся – в зале по-прежнему никого не было. Но мелодия, звучавшая в голове, стала громче. К инструментам присоединился голос, сочное, лирическое сопрано. Звук усиливался. Павел посмотрел на портрет и по инерции вперил взгляд в тот фрагмент, над которым только что рабо-

тал... О ужас! Из рук дамы исчез свиток. Как будто его не было вовсе, или она его уронила! Переведя взгляд на лицо дамы, Павел похолодел. Она смотрела на него! И так внимательно, как будто уже давно за ним наблюдала. Вновь на ее губах появилась уже знакомая полуулыбка-полунасмешка.

Какой-то безотчетный страх сковал все его члены. Павел не мог пошевелиться. Секунды бежали одна за другой, а он стоял и смотрел на свою модель как прикованный. Наконец оцепенение прошло, и сначала медленно, а потом все проворней он стал продвигаться к картине, нелепо выставив вперед руку. При этом Павел старался не глядеть даме в глаза.

Его вытянутая рука, не ощутив никакой преграды, вошла в глубь портрета. Натолкнувшись на что-то холодное, Павел быстро отдернул руку. И вдруг обнаружил – абсурдность ситуации достигла апогея! – что держит в руке небольшой серебряный бокал, прежде стоявший на столике возле дамы...

Он закричал бы, если б смог, но голос пропал, в то время, как сопрано пело все громче, форсируя звук, пока не перешло на резкое форте. С каким-то безотчетным ужасом Павел побежал из зала, сжимая в руке серебряный сосуд, но, внезапно остановившись, повернул назад и стремительно бросился к портрету. Еще и еще раз он ощупывал рукой пространство, заключенное в золоченую раму. Ничего, решительно ничего похожего на холст он не находил. В ушах стучало. Не отдавая себе отчета в том, что собирается предпринять, Павел занес ногу и, не дотянувшись до рамы, мет-

нул к раскладному стулу, приставил его почти вплотную к стене и, перевалившись через раму, буквально нырнул в глубь картины...

6. Натюрморт с пастушком

Москва, февраль 20...

г., акрил/оргалит

Старуха попалась вредная и фигурку продавать отказывалась. Денег он, конечно, давал мало, бессовестно мало, но не в этом же дело. Сил и времени на бабушку он ухлопал столько, что уйти ни с чем просто не мог. Эдик еще раз улыбнулся, улыбка была то, что надо, робкая, извиняющаяся, действовала безотказно, и предпринял новый заход. Голос его звучал убедительно, но мягко, по-малоросски напевно.

– Вы, Клавдия Тимофеевна, все-таки подумайте. Что она у вас стоит, пылится же только, никто ее не видит, а там, сами понимаете, коллекция. И вам деньги нужны. Тут ведь как бывает – достали протереть – голова закружилась, фигурка выскользнула – разбилась. Фарфор дело такое – требует твердой руки.

«Главное, не передавить», – подумал Эдик, и на лбу у него выступили красные, как от укуса комара, волдыри – с некоторых пор его одолевала крапивница. Причем, как всегда, в самый ответственный момент, это при его-то бизнесе, то щеку, то губу разнесет.

– Ты, Эдик, голубчик, все правильно говоришь. Только ведь память это, еще по маме моей. Она актриса была, в опе-

ретте пела, я Светочке рассказывала. Очень она такие безделушки любила. Раньше их много было. Столько лет хранила, а теперь взять и отдать? – Седенькие старушкины кудельки пришли в движение.

– Не отдать, Клавочка Тимофеевна, а продать. Деньги же вам не лишние будут. Вон лекарств сколько надо. Светланка-то, она, конечно, всегда поможет. Вы же знаете, мы для вас все что угодно...

– Спасибо, голубчик, тебе и супруге твоей Светочке...

Вот уже три месяца как Светочка – правда, никакой женой она ему не была – устроилась соцработником. Адреса они вместе выбирали со знанием дела и обхаживали только «перспективных» бабушек. Глаз у Светки теперь наметанный. Если обычного соцслужащего подозрительные старушки дальше порога не пускали, то Светка через две недели уже сидела у них за столом и пила чай с пирожным, которое помимо списка приносила за свой счет. Слушала рассказы о бабкиной молодости, рассматривала фотографии – по отработанной версии, она заочно училась на журналиста и писала статью о старых москвичах. В следующий раз приносила бесплатное лекарство, потому что, мол, сестра работает на аптечном складе. Потом появлялся и сам Эдик, с уговорами продать то, что зоркий Светкин глаз зацепил в скромной старушечьей обстановке. А уж уговаривать он умел, как никто другой.

– Баба Клав, ну, пожалуйста, – неожиданно по-свойски,

как-то по-родственному произнес Эдик, – если бы не брат, он у меня единственный из родни остался, я бы никогда вас и просить не стал. День рождения у него, юбилей, пятьдесят лет. Он у меня заслуженный, афганец, только в больнице сейчас.

– Клавочка Тимофеевна, я торт в холодильник убрала, чтобы не испортился, посуду помыла, расставила, – донесся с кухни бодрый Светкин голос.

Старуха сдалась. Минут через двадцать Эдик и Светка уже выходили из подъезда с завернутым в газету фарфоровым пастушком. Статуэтка ни разу не клееная, в прекрасном состоянии. Неброское клеймо «АП» на тыльной стороне фигурки железно гарантировало штуку грина как минимум за хлопоты. Эдик был доволен.

Мысли о невезении, преследовавшем его в последнее время, отступили. Надоело, конечно, возиться с мелочовкой. Но, как говорится, курочка по зернышку... Эдик умел ждать.

Заныла Светка, хоть бы раз было иначе.

– Только не надо кипиша. Я ж те, голуба, уже сказал, что шас денег у меня нету. Ты что, думаешь, я их печатаю. Всё после.

Светка начала скандалить. Но ласковый голос Эдика, не случайно у него и фамилия была ласковая – Лейчик, действовал как гипноз.

Эдик Лейчик приехал покорять Москву в конце 80-х.

Примерно за год до этого посадили его отца. Взяли по 93-й еще старого УК. Многие говорили ему тогда, что времена уже не те и «щас за такое не садят», а некоторые даже посмеивались, мол, подержат и отпустят. Но смеяться Михаилу Борисовичу Лейчику, бывшему замдиректора харьковской комиссионки, пришлось уже на зоне в Якутске. Мать сильно переживала, похудела, осунулась, а через три месяца заказала в ателье три новых платья и уехала в санаторий в Кисловодск с закройщиком.

Жизнь Эди изменилась в одночасье. Впрочем, переменами жили все вокруг, и он, списавшись с отцовой двоюродной сестрой, тетей Соней, отправился искать счастья в столицу. Москва встретила Эдю сурово – тут же, на вокзале, сперли сумку с продуктами. Домашней колбасы и сала тетка не дождалась и Эде не поверила. «Сам небось все в поезде съел, а про жуликов придумал». Отношения у них не сложились с самого начала. Тетя Соня была вредная, злющая, жадная, чуть что, поминала и отцовский срок, и то, что «Москва не резиновая, а они все лезут и лезут». За десятиметровую комнату она драла с Эди три шкуры. Вся работа по дому была на нем. Магазины, рынок, ЖЭК, аптека, уборка, мытье окон. За каждый истраченный рубль он должен был ей отчитаться. Питались они отдельно. В холодильнике у него была своя полка. Тетку не смущало, что дневной рацион племянника иногда состоял из морской капусты с кукумарией на черной горбушке и нескольких слипшихся пельменей. Но Эдя умел

ждать, ждать и приспособливаться, схватывая все буквально на лету. Даже к говору москальскому приспособился, учился не гхэкать, не частить и говорить в растяжку. До института дело, конечно, не дошло. За несколько лет он, молодой, красивый, обаятельный, здоровый, перепробовал десяток разных профессий. Были и винно-водочный магазин, и коммерческая палатка, и джинсы-варенки на Рижской, и матрешки «Горбачев» на Арбате. Вот там впервые он и «отбил десять концов», перепродав икону японскому туристу. Икону, разумеется, ворованную, принес парень-синяк, лет шестнадцати, основательно сидевший на клее. Но происхождение товара и тогда, и теперь Эдика интересовало мало. С «провенансами»³ он никогда не дружил. Может, поэтому своего антикварного магазина, настоящего, с вывеской и колокольчиком при входе, о котором мечталось, у него никогда не было. А может, потому что Эдя очень любил халяву. Ну ничего с собой поделать не мог, да и школу он прошел отличную. Не любил платить, и все тут! Любой, пусть самый мизерный шанс не заплатить действовал на него, как наркотик. Он был виртуозом халявы. Иногда даже во вред себе. Платить для Эди было равносильно пытке, как будто от себя кусок отрезать. Дерьма через это самое дело он нахлебался столько, что

---

³ Провенанс (англ. *provenance* – происхождение, источник) – история владения художественным произведением, предметом антиквариата, его происхождение. На художественных и антикварных рынках провенансом подтверждается подлинность предметов. Провенанс может значительно повысить цену художественного произведения, предмета антиквариата.

хватило бы на пятерых. Но себя не переделаешь!

Лучшими его клиентами были синяки около винно-водочных, они просили немного, там вообще процветал бартер. И на этот случай у него всегда был запас малобюджетной забористой водки. Но и товар шел пустяшный, не вот вам Фаберже. За три бутылки можно было разжиться немецкой печатной машинкой «Райнметалл», за две ему как-то достался бюст Железного Феликса, ну а чугунный утюг или грузинская чеканка с носатым витязем больше, чем на одну беленькую, не тянули.

Пять лет назад Эдя стал полновластным хозяином в бывшей теткиной квартире. Дождался-таки, высидел! Да и вообще, после паралича тетя Соня стала покладистой. Кроме Эди, у старухи из родни никого не осталось, так что прописать племянника пришлось. Одну из комнат Эдик мигом приспособил под склад, настоящий антикварный склад, обильный, но недорогой. А поскольку товаром для Эдика служило решительно все, то он, не брезгуя, и греб, как пылесос, все подряд. Каждая вещь в конечном итоге получит своего хозяина. Пусть не сейчас, попозже... Эдик умел ждать.

Чего только не было в его заветной комнате! И настенные коврики с лебедями, и выцветшие вымпелы из красного уголка, и офицерский планшет, и танкистский шлем. Были и традиционные самовары с подсвечниками, и мельхиоровые подстаканники, и телевизор КВН с чудом уцелевшей линзой, и граммофон с набором пластинок, и даже немецкая музы-

кальная шкатулка с танцующей парочкой. В старом серванте еще теткин гэдээровский сервиз «Мадонна» и хрустальные салатницы соседствовали с бодрыми дулевскими фарфоровыми лыжницами, балеринами, гжельскими лебедями и другими пернатыми. Совковый фарфор – шел он сейчас очень бойко, и содержимое полок быстро редело – дополнялся редкими образчиками дореволюционного Кузнецова, Гарднера и немецкими еще довоенными майсеновскими фигурками. На стенах была любовно проэкспонирована небогатая – уж какая есть – коллекция живописи – отец народов, парадный портрет в кителе, незаконченный, правда, еще прижизненный, пейзаж с церковкой, начала века, и пара натюрмортов без подписи, в богатых рамах – они достались Эде вообще бесплатно. Был у него лет семь назад один любимый клиент, помер уже. Со сталинским портретом Эдя решил расстаться – один толстосум, повернутый на «усатом», давал хорошую цену, очень хорошую. А если еще перекупщицу с Измайловской блошки бортануть... ну ладно, как пойдет. Вот кого точно не обойдешь, так это Светку. Въедливая девка попалась, хотя сам ее научил.

Сейчас, выйдя от старухи, Эдя, конечно, понимал, что заплатить Светке надо, это она зацепила, высмотрела поповского пастушка, а за него у Седого он при самом плохом раскладе получит никак не меньше пятидесяти тысяч. Эдик знал, что обещал, но тянул и откладывал неприятное на по-

том. После паузы он, наконец, мучительно выдавил:

– Я ж только сегодня вечером буду у Седого, так что завтра, голубка. Морген, морген унд них хойте... Прошу, Светик, не нервничай, все тебе отдам. Ну, пока. Мне еще до Семы подскочить надо.

7. По ту сторону картины *Чехия, март 20... г., акварель/картон. Коллаж*

Поначалу глаза Павла как будто лишились способности видеть. Но зато нос, мистически избавленный от насморка, сразу уловил букет привычных запахов. Олифа? Да. Скипидар? Определенно. Потом еще какой-то незнакомый терпкий цветочный аромат. Мгновение спустя воздушный поток донес что-то совсем неприятное. Так пахнет животное... Следующая волна, и ноздри уловили запах моря...

Постепенно пространство наполнили звуки. Как в оркестре, когда музыканты вступают не одновременно все сразу, а один дополняет другого. Где-то вдали зазвонил колокол, гулко, протяжно, сонно. Поблизости зазвучали голоса людей – двое, возможно, трое беседовали. Один голос принадлежал женщине. Павел не понял, на каком языке они говорят, но по мирному течению разговора догадался, что, по крайней мере, тут никто не ссорится. Это почему-то его успокоило. Потом с улицы легкий ветерок донес плач ребенка, еще мгновение, и Павел услышал цокот копыт... старческий кашель. Откуда-то снизу послышалось скрежетание... Мышь? Крыса?

Наконец к нему вернулось и зрение. В первые мгновения

перед глазами предстала размытая картинка... перед ним была все та же просторная комната, что на картине, с большим арочным окном. Справа он увидел второе такое же, наполовину прикрытое ставнями. Струившиеся сквозь них лучи заходящего солнца прочертили на ковре полосатые тени. Мягкий теплый свет подействовал на Павла умиротворяюще. Он вдохнул полной грудью и весь как будто растворился в этом свете, воздухе, ароматах. Какая-то неведомая сладкая нега разлилась по всему телу. «Я сошел с ума, – подумалось ему в этот момент, – но если сумасшествие таково, то пусть... я согласен». Вдруг снизу снова послышался скрежет, и сладкий дурман улетучился. Павел шагнул назад, оглянулся и заметил клетку, стоявшую в углу на высоком плетеном сундуке.

Ее обитатель, небольшой пушистый зверек – то ли ласка, то ли хорек, – издав тревожный клич, принялся яростно грызть прутья клетки. Он пока единственный заметил присутствие чужого в комнате.

– Тихо, я тебе ничего не сделаю, – сказал ему Павел и продолжил осмотр. Удивительно, но даже в таких фантастических обстоятельствах наблюдательность ему не изменила.

Под столиком красного дерева, том самом, что и на картине, он заметил валявшиеся скомканные бумаги. У кресла, тоже старого знакомого, разглядел потускневшую обивку. Теперь оно пустовало. Дамы не было. В другой части комнаты его внимание привлекла изящная резная ширма. А рядом...

«Ах, вот оно что! Это же мастерская художника!»... Стоял мольберт, с приготовленным для работы холстом. Взгляд скользнул дальше по стене, где тянулся ряд полок, содержимое которых его ничуть не удивило. Банки и флаконы с пигментами, бутылки с льняным маслом, кисти.

На полу стояли натянутые на подрамники, уже загрунтованные холсты и прислоненная к стене картина без рамы, но, по-видимому, уже законченная. Что-то в восточном духе. «Ясно-ясно, стало быть, тут обитает творец, а это его очередная муза! Воистину миром художника правит женщина!» – подумал Павел и только теперь заметил, что до сих пор сжимает в руке серебряный бокал. Неуверенно подойдя к столу, он вернул его на место, наступив по ходу на валявшиеся на полу бумаги. Павел нагнулся и поднял скомканный листок. Вдруг за спиной послышались шаги. «Что делать? Сейчас откроется дверь!» Думать было некогда... он машинально сунул бумагу в карман и одним прыжком юркнул за ширму, потом присел на корточки и замер.

Дверь со скрипом открылась, и в комнату вошла полная пожилая женщина в надетом поверх платья холщовом фартуке. Она взяла клетку со зверьком и удалилась, что-то бормоча. Павел отчетливо услышал два слова «puzzo» и «bestiola». Так, она, наверное, служанка и говорит вроде бы по-итальянски.

Не решаясь выйти из укрытия – а ну как снова появится, – Павел продолжил разглядывать помещение сквозь рез-

ные дырочки ширмы.

«Непостижимо!» – прошептал он, наткнувшись глазами на большое, в пол, зеркало, висящее на противоположной стене, пытаясь представить, в какой части комнаты он стоял, когда в нее попал.

– Значит, я оттуда... то есть сквозь него?

Стараясь ступать как можно тише, Павел приблизился к зеркалу. Его рука уже почти прикоснулась к нему, как вдруг дверь резко распахнулась и в комнату вошел мужчина. От неожиданности Павел резко отшатнулся и изо всей силы ударился виском об угол массивной деревянной рамы. В голове зашумело, из глаз посыпались искры, комната заплясала и поплыла... последнее, что запечатлело его ускользающее сознание, был надвигающийся на него мужчина. Он что-то кричал, размахивал руками, черная тень становилась все больше и больше, пока не поглотила все вокруг...

8. Дама с запиской

Чехия, март 20... г., холст/масло

Павел очнулся уже в гостиничном номере и, открыв глаза, долго не мог понять, что с ним произошло. Было зябко, он лежал в одежде поверх одеяла. За окном все было серым и хмурым, порывы ветра раскачивали висящий на столбе фонарь. Голова не болела, но рука нащупала непонятно откуда взявшийся бинт. Павел попытался подняться, и сразу резкая боль стрельнула в висок и затылок.

В комнату вошла женщина.

– Вы уже проснулись? Хорошо, – она улыбнулась и присела на стул. – Вам лучше сейчас не вставать. Отдыхайте, пока есть возможность. Хотите чаю? Или воды? Я закажу. Голова еще болит?

– Уже нет, спасибо, – пересохшие губы едва шевелились, – а какой сегодня день? – вспомнив про самолет, заволновался он.

– Пятница.

– Слава богу. Но как я тут оказался?

– Вы упали, ударились головой и потеряли сознание. Это случилось в музее, когда вы работали. Помните?

Павел чуть усмехнулся и кивнул. У его собеседницы оказалась спокойная, даже немного ленивая манера говорить. И

двигалась она плавно, не спеша.

– Мне помогли перенести вас в гостиницу. Ваши вещи, мольберт, картина тоже здесь, ничего не пропало. Не волнуйтесь.

– Даже не знаю, как вас благодарить.

– О чем вы. Не стоит. Портрет, в смысле ваша копия, получилась замечательно. Ничего подобного я раньше не видела... просто один в один. Невероятное попадание... очень жаль, что все так вышло... – Дама поднялась со стула, прошла по комнате и надолго задержалась у портрета, совсем забыв про Павла. – Как холодно. Вы здесь не мерзнете? Знаете, я тоже когда-то в юности увлекалась живописью... бросила, а зря. Ну, да все это в прошлом. Давайте чайку? А то мне скоро надо ехать.

Темы у его собеседницы быстро сменяли одна другую. Павел не успевал следить. На языке у него вертелся только один вопрос, кто, собственно, она такая, правда, в этих обстоятельствах он показался ему не совсем тактичным.

– А как вы сюда попали? – спросил он наконец.

– Разве я вам не сказала? Странно.

Она замолчала, улыбнулась и посмотрела в окно.

«Действительно странно, – подумал Павел, – все странно. Все, что со мной происходит, необычно и похоже на сон. Вот женщина эта, откуда она взялась? А в музее что было, фантазмагория какая-то!»

– Я приехала сюда из Праги, еще вчера... Дело в том, что

этот портрет заказали... он мне нужен, он для меня, — дама запнулась, — Сергей Иванович Бурундуков мой муж.

— Кто? — только и смог выдать из себя Павел, переставший уже чему-либо удивляться. Ах, да, Сергей Иванович. Понятно. Он, признаться, и фамилию-то его не знал или забыл. Хотя, как же это... Сергей Иванович говорил, что Брюлловская Джульетта Беллини очень похожа на ту, для кого он портрет и заказывал, «какое сходство, как две капли...», а дама, сидящая напротив, ее полная противоположность. Блондинка, с формами и в возрасте. Павел еще раз стрельнул глазами на свою работу. Да уж...

— Вы что, мне не верите? — словно прочитав его мысли, без тени обиды спросила дама.

— Почему же... Но я, простите, даже не знаю, как к вам обращаться?

— Разве я не представилась? Меня зовут Полина. А вы — Павел. Я с вами знакома заочно.

— Очень приятно.

— Это я вам написала ту записку. Путано получилось, глупо, потому что я волновалась. Понимаете, Павел, Сергей Иванович исчез. Ушел из офиса и не вернулся. Шесть, точнее, даже семь дней назад. Меня в тот день в Москве не было. Я там редко бываю... Живу на два дома. У меня в Праге дочь живет, замуж вышла. И мама. Мы тут давно. Я, конечно, сразу приехала. Милиция, розыск. Странно все это. Водитель, секретарь... никто ничего не знает. Вот я и решила

вернуться пока в Прагу – в Москве мне одной не сиделось, – а потом, думаю, приеду прямо сюда. Этот городок и музей местный я хорошо знаю. А вы? Когда Сергея в последний раз видели... впрочем, при чем тут вы... позвольте я заберу эту картину, – неожиданно закончила Полина, и в голосе ее звучала настойчивость.

– Но она еще не закончена.

В дверь постучали, горничная принесла чай и, обменявшись с дамой несколькими фразами по-чешски, удалилась.

– Так я могу ее забрать?

– Нет-нет, портрет не дописан.

– Мне все равно.

– Вещь не закончена, простите, Полина. А потом Сергей Иванович...

– Понятно, – в голубых глазах собеседницы мелькнула сталь, не дослушав, она поднялась. – Что ж, мне пора.

– Мне очень жаль, Полина! Надеюсь, все обойдется. Спасибо вам большое. У вас все будет хорошо, – поспешил успокоить ее Павел, по-прежнему плохо понимая, что происходит.

– Уже не будет, – тихо ответила Полина и закрыла за собой дверь.

Потом, в Москве, Павел пожалел, что не отдал копию Полине, потому что Сергей Иванович так и не появился. В самом деле исчез. А синьора Беллини нашла свое место на стене его мастерской. Работа ему нравилась. Наверное, хорошо,

что не отдал...

9. Подруга

Валентиновка, август

20... г., акварель/картон

– Ну, наконец-то! Добро дошли! – выглянув за калитку, закричала Лиза. У ворот припарковался старенький серый «Гольф». Через минуту груженная сумками из машины вылезла рослая молодая дама. – Мила, я тебя уже ждалась! Что ж так долго!

– Заштрафовали меня гаишники. Рублев опять нет. Наменяешь мне, пожалуйста. Купила, как вы говорите, болгарский перец – почему болгарский, а не сербский? Будем готовить пэчэну паприку. Любишь? Как мой дедушка ее готовил! Пальчики оближешь! Как тут хорошо... все-таки какие гады, почему штрафовали. А у меня на Смоленке так противно, душно... – Мила, на самом деле Милица Мркч, была сербкой, переводчицей. Лет восемь назад она на год приехала в командировку в Москву и так здесь и осела. Жила на два дома, кочуя между Москвой и Новым садом. Как-то на вечеринке, теперь уже непонятно, у кого и где, они познакомились и подружились.

Пытаясь прикурить сигарету, Мила продолжала вытаскивать из багажника пакеты и говорила без остановки.

– Милка, хватит трепаться. Пошли в дом. Будешь зеленые

щи?

– Боже мой, как здорово. А где я буду спать? Ой, яблочко-то сколько! А где все твои?

Шумная, энергичная, деловая, она налетела, как ураган, обрушивая на Лизу последние новости. Она то исступленно кого-то ругала, то с жаром что-то расхваливала. Милица жила в полярном мире: любовь – ненависть, черное – белое, драка – объятия. Середины не было. Похоже, что редкое чувство покоя посещало Милицу, только когда она усаживалась на террасе старой Лизиной дачи. За окнами, повинувшись ветру, качались ветки сирени, щебетали птицы, издалека доносился лай собак... В любом другом месте Милица держала оборону по всем фронтам, готовая броситься на каждого подозрительного ей человека.

Был уже восьмой час вечера, когда они расположились на террасе. Милица нахваливала зеленые щи, молодую картошку с малосольным огурцом, шарлотку. Ей решительно все нравилось, ела она вкусно, и ее приятно было кормить. Соседский самогон на лимонных корках тоже пришелся ей по душе... Самогонка была крепкая, в чем обе убедились, когда подожгли маленькую лужицу в блюдце, и пошла хорошо. Разговор завязался сумбурный. Обо всем и ни о чем. Про работу Милица говорить не любила, потому что отчаянно ненавидела шефа, Лизка же напротив всегда с удовольствием рассказывала и о забавных клиентах, и о необычных за-

казах. Уже больше десяти лет она работала в рекламно-полиграфической студии, родившейся буквально на ее глазах, и довольно неплохо сочетала функции дизайнера и копирайтера одновременно. Она проворно комстролила фирменные стили, логотипы, составляла рекламные тексты, придумывала слоганы, и работу, в общем-то, свою любила. А чего... вольные хлеба, свободный график, творчество, начальство непротивное, да еще за все это деньги платят.

С рабочей темы разговор плавно перешел на более близкие, понятные всем женщинам. Обсуждали затянувшееся Лизкино одиночество, сколько можно, уже три года прошло, как они с Сергеем развелись; Милкиного бойфренда, хотя шведский фирмач пятидесяти лет в эту категорию вписывался с трудом.

– Что ты в селибатыры себя записала, не знакомишься ни с кем, – Милка обожала давать советы, – имей в виду, чем старше возраст...

– ...Тем шире горизонты...

– Нет, я серьезно. Должен же тебе кто-нибудь глянутья. В твоём возрасте...

– В моем возрасте, Мил, уже любой может глянутья. Вот боюсь влюбиться в нашего сантехника.

– Очень глупо. Женщине надо держать себя в форме, и для здоровья полезно. Ну а как, кстати, у тебя с этим... на работе, Кириллом, что ли?

– Никак, совершенно никак. Да и не нужно это ни ему,

ни мне.

Делать ничего не хотелось. Навалилась сыто-пьяная нега. На террасу пришла кошка Марта и уселась на мягкий потрепанный стул. Она была животным с пониманием, не пристаивала, не навязывалась, просто обходила всех, как будто спрашивала, кому в данный момент нужна.

– Ой, Лизка, какое у нее лицо! Смотри, она мне улыбается!

– Да нет. У нее просто зубы выпадают. Ей же двадцать два года.

Шамкающая кошка, сообразив, что говорят о ней, спрыгнула со стула и залезла на колени к Лизе. Под абажуром вились мотыльки.

– Слушай, подруга, ремонт здесь надо делать. В порядок все приводить. Ты не собираешься? Вон, какая красота стоит, пропадает, – и Милка ткнула вилкой в угол террасы, где черной горой возвышался буфет в стиле «модерн», несколько потертый, с недостающими кое-где витыми медными ручками. – Это тоже дедкино наследство?

– Да, его он вместе с домом купил, еще до войны. Прежние хозяева строили-строили, наводили уют. А потом, бац! Хозяина посадили. А жена испугалась, продала все, что было, и растворилась в неизвестности. Дед ее искал – что-то нужно было, но куда там – никаких следов. Так что это добро от прежней хозяйки: буфет, зеркало, кресло... картина,

корзина, картонка... Точно уж не помню, может, бабушка, может, еще кто пустил слух, что перед отъездом старая хозяйка где-то на участке клад зарыла. Зачем? Почему? Бред, конечно, но мы с Ленькой поверили.

– Это сосед твой, который голубенький?

– Ну да, ты же его знаешь – так вот мы с ним в детстве, нам лет по десять было, как кроты, полсада изрыли – все клад искали.

– Ну и?

– Что «и»? Какой клад, Мил, я тебя умоляю. Откуда ему взяться!

– А вдруг, как было бы классно, эх, Лизка, – Милица мечтательно закатила глаза. – Все хотела тебя спросить, чем он занимается, этот Ленька? Он такой всегда аттрактивный, ухоженный.

– Они все ухоженные. А работает он где-то на телевидении.

– Так он журналист?

– Что-то в этом роде, на каком-то музыкальном канале, но журфак так, по-моему, и не закончил.

Пошел дождь и громко застучал по крыше. В саду сразу стало темно. В приоткрытое окно зашелестела сирень, потревоженная каплями дождя. На террасе посвежело.

– Мил, давай еще по рюмочке, а то как-то зябко, – сняв с гвоздя полинялый полушалок, Лиза накинула его на плечу.

– Ты слышала? – Милица вдруг резко вскочила и высунулась в окно. – Там кто-то ходит! Лизка! Слышала?

– А что слышала?

– Ну, как что? Топ-топ-топ? – метнувшись к выключателю, Милка вырубил свет.

В темноте стало страшно, обе стояли, затаив дыхание, и прислушивались. Лиза кашлянула. Пум-пум-пум-пум-пум – донеслось из сада. Было похоже, что кто-то, пробежав несколько шагов, вдруг остановился.

– Вот опять. Слышала? Топ-топ? – шепотом спросила Милица, сверкнув глазами. – Лизка, мне страшно. Может, это... в Москву уедем?

– Да не шепчи ты! Тихо! – Лиза напряженно вслушивалась в тишину. Пум-пум-пум-пум-пум – раздалось опять.

– Мила! Дура! Нервы надо лечить. Это же яблоки падают! Нет там никого.

– В пичку матер! Как ты тут одна ночуешь! От страха с ума сойти можно. Давай наливай теперь твоей самогонки, а то я ночью не засну.

– Она не моя, это как раз Ленька самогон гнал, из яблок.

– Тогда не самогон, а кальвадос!

Старые часы хрипло пробили двенадцать. От самогонки и свежего воздуха их стало клонить ко сну, но лечь не хотелось. Было жаль расставаться.

– Как хорошо у тебя, Лизка.

– Давай я тебе постелю, а потом еще посидим.

Было уже около трех, когда они наконец решили отправиться спать. Облачившись в ночнушку и присев на кровать, Лиза снова задумалась о яблоках. Но, так ничего и не придумав, решительно щелкнула выключателем и легла. Она уже почти заснула, когда сквозь сон слышала скрип половиц и шаги...

– Она на меня смотрит! – у изголовья кровати, замотавшись в одеяло, стояла Милка. – Таращится просто. Я не могу там спать!

– В чем дело, Мила? Кто смотрит?

– Да тетка эта твоя, с картины. Смотрит на меня. Как ни лягу – она все глядит. Хичкок просто, а не дача – то яблоки топают, то портреты гипнотизируют.

– Ну завесь ее тряпкой – не будет глядеть. Детский сад какой-то. Хотя ладно, давай я пойду к тебе, а ты ляжешь здесь.

– Нет! Я останусь с тобой! – отрезала Милка, – Я одна спать не буду. И свет одна выключать не пойду.

Спать в одиночестве не хотелось еще и шамкающей Марте. Она тоже решила поддержать компанию. Запрыгнув на кровать, кошка заходила по одеялу и заурчала.

– Откуда эта тетка-то, в смысле, картина, взялась? Я что-то раньше ее не видела?

– Ты просто не замечала. Она уже лет пятьдесят в бабушкиной комнате висит. Тоже дедкино наследство, от старой хозяйки осталась.

– А кто ее рисовал?

– Да бог его знает.

– Знаешь, кстати, о картинах.... тебе надо проветриться, выйти в свет. Ты тут на даче одичала. Пошли со мной завтра... там что-то вроде презентации будет. Выставка одной художницы вашей, как-то с Фрейдом еще связано... кормить-поить будут, я специально Любиша возьму – познакомишься. Пойдешь?

– Пойду, но давай немножко поспим, а то уже светает.

10. Встреча в городе

Москва, февраль 20...

г., акрил/оргалит

На самом деле подскочить Эдику надо было не к Севе. Но Светке об этом знать необязательно. Слишком шустрая стала в последнее время. Так и гешефта своего лишиться можно. На Рязанке в круглосуточном кабаке с романтическим названием «Лунный камень», истероидно подмигивающем разноцветными лампочками, у него была назначена встреча. Там, на нижнем уровне, в бильярдной его ждал вертлявый долговязый тип, и ждал уже давно. Он то сидел за столом и пил водку, то вставал, брал дротик и с силой бросал в мишень.

– Хорошо кидаете, – послышался от дверей елеинный голос Эдика. На этот раз дротик угодил в самую сердцевину. – У вас вообще кидать неплохо получается... друзей-товарищей...

– Хорош гнать... кого это я кидал. Сам-то чего... два часа, блин, тебя сижу-дожидаюсь.

– Ну, прости, старик, там такая стоячка на Рязанке, я бы уже давно здесь был.

– Ладно. Проехали. Ну че? Смотреть будешь?

– Опять торопливые попались... – Эдик огляделся по сто-

ронам, – ну не здесь же.

– Да ты че? Нет же никого, – возмутился вертлявый.

– Давай-ка лучше в машине.

Они вышли на улицу и подошли к заляпанному грязью серому «Фольксвагену-сараю» – Эдик не любил дорогие броские машины, серый старый «Пассат» и внимание не привлекает, и влезает в него до фига и больше. Вертлявый сплюнул сигарету в грязный сугроб, достал из спортивной сумки сначала пакет, а уже оттуда маленькую красную коробочку.

– Ордена? Сейчас брать не буду, – отрезал Эдик.

– Чего гонишь? Не сейчас, а когда? Мне бабки нужны.

– Я сказал, не буду. Еще что есть?

Вертлявый выругался, раскрыл пакет и показал содержимое Эдику. В машине было темно, но даже при таком освещении тот разглядел вытканый причудливый охотничий рисунок с лошадьми и собаками – гобелен. Вещица была небезынтересная. Он сразу вспомнил, как на прошлой неделе в Измайлове шпалера с охотничьим сюжетом ушла за две тысячи зелени, но вида, конечно, не подал.

– Что это? – спросил он у вертлявого.

– А я знаю? Вроде, ковер.

– Какого он размера?

– А я его мерил, что ли? Ну примерно такой, – показал тот, расправив руки.

Эдик достал из пакета гобелен и неспешно, не без удовольствия принялся его рассматривать.

– Больше трехсот не дам, резанный он, замацанный, нитки везде торчат. – Хорошо, что в машине было темно, потому что на щеке у Эдика снова надулся и заалел чешущийся волдырь.

– Да ты че, он же, значит, старый очень. Накинь хоть две сотни.

– Нет, старик. Больше трехсот никак. Товар неходкий.

– Ну ты жлоб, – протянул вертлявый. – Знал бы, не поехал.

Торговаться Эдик умел и мог привести десяток аргументов, почему цена такая, а не другая, что он бы всей душой помог, выручил и. т. д., но сейчас ему было просто лень париться. С вертлявым он имел дело не первый раз, знал, что тот хоть и психованный, но отходчивый и в конце концов обязательно уступит. Вещи были краденые, другого сбытика на такой товар у него нет, и деваться ему некуда. Выпустит пар, пройдетя по матушке и заберет лаве, поэтому Эдя молчал.

Минут через пять коммерческие переговоры подошли к своему логическому завершению. Вертлявый вернулся в кабак, а Эдик, бережно свернув гобелен, покатыл на Красную Пресню.

– А что? Не кислый денек сегодня выдался, копейка в карман упала, – размышлял он по дороге, – так бы и дальше...

На Красной Пресне на набережной в бывшем переходе, а ныне восточном ресторане, в компании друзей гулял Седой. Седого Эдик уважал и даже немного побаивался. За ним чув-

ствовалась сила. И деньги. Работал он по-крупному, с размахом. С копеечным товаром к нему и соваться нечего. Музейная мебель, живопись, бронза. Но поповского пастушка показать можно, Седой любил фарфор, и о его коллекции Эдик не раз слышал. Тем более что с датым Седым договариваться всегда проще.

11. Павел в Москве

Холст/масло, весна 20... г.

Он прилетел в Москву в пятницу. А на следующий день, прихватив по дороге букет чего-то весеннего, снова потащился в Шереметьево встречать Юльку. Павел всегда радовался ее приездам, заряжаясь от нее бодростью и хорошим настроением. Она была удивительно позитивным человеком с самого детства.

Юля Потапова, или в узком кругу Хулия, его единственная после смерти мамы родня, доводилась Павлу кузиной. Они были почти ровесники, вместе росли, выросли, да и сейчас старались почаще перезваниваться и встречаться, несмотря на то, что уже больше десяти лет Хулия жила в Испании. Еще в 90-х законтрактовавшись на какую-то невнятную стажировку, она на полгода улетела в Барселону, где познакомилась с местным преподавателем и спустя некоторое время вышла за него замуж. И вот уже десять лет Юлия мотается между Москвой и Барселоной по два-три раза в год, так, безо всякого дела, потусоваться. Профессор оказался симпатичным дядькой, к тому же весьма состоятельным и нежно ее любящим. Образ жизни своей супруги он не обсуждал, надо в Москву так надо. Каждый Юлькин приезд на Родину сопровождался забубенным пьянством, походами по дру-

зьям, театрам, ресторанам. Она по-детски радовалась всему новому, с восторгом делилась впечатлениями, сорила деньгами. «Как тут у вас здорово! Столько новостей, а какие кафе... и какое разнообразие в магазинах!»

Излюбленной Юлькиной темой в дни московских визитов была холостяцкая жизнь Павла, с чем она никак не желала мириться. Но времени для маневра ей всегда не хватало. Разве за десять дней устроишь счастье брата, учитывая, что еще хочется выпить и закусить во вновь открывшихся московских заведениях. Однажды во время очередного застолья в ресторане они с Хулией и ее подругой, новой кандидаткой в его пассии, заказали «водочные шахматы», где каждая фигура – рюмка с разными настойками и наливками. В разгар веселья и сам крепко заложивший за воротник Павел вдруг разглядел, что Хулия, изловчившись, зацепила вилкой обрывок салфетки и... сунув его в рот, принялась жевать.

– Ты что-то, Юль... уже вообще... на салфетки перешла!

– А я жую и думаю, что это мне попало такое безвкусное. Спаржа, что ли?

Хохотали они тогда до колик, с тех пор за Юлькой закрепилось новое прозвище Спаржа, но это уже для особо посвященных.

На сей раз у нее была всего неделя, поэтому matrimo-
ниальные планы пришлось отложить до лучших времен, а привычный ресторанный график уплотнить. Обильные ал-

когольные возлияния, обычно способствующие разговорам по душам, Павлу не помогли. Помнится, он так и не решился рассказать Юле о том, что произошло с ним в музее в Чехии. Пытался заговорить, мямлил что-то про мистификацию, пыхтел-пыхтел, да так и не смог. И как ей это объяснишь? Но сам он давно все понял и расценивал случившееся как чудо, настоящее чудо. И неважно, на самом деле это было или только в его больной голове существовало. В конце концов с загадками в своей жизни Павел сталкивался не впервые. Он точно знал, что все это знак свыше, вроде поощрения ему, его работе. Он отмечен, он избран... и пусть никому, даже Юльке, про такое не расскажешь, но судьба... судьба ему улыбнулась.

Помахав на прощанье рукой и дав сестре в очередной раз обещание покончить с холостяцкой жизнью, Павел уныло отправился восвояси. В мастерской царил страшный беспорядок. В шкафу не осталось ни одной чистой сорочки. В коридоре лежала так и не разобранный после приезда из Чехии дорожная сумка. Картину хаоса удачно дополнял кот-подросток элитной породы, как нельзя вовремя оставленный соседкой на пару дней для присмотра.

– Вы, Павел, такой добрый, животных любите, сделайте одолжение, только на выходные. Он вообще-то у нас смирный.

Кот висел у нее под мышкой, уставив на Павла желтые глаза-плошки.

— А какой породы ваш котик? — с вымученной улыбкой спросил Павел, ругая себя последними словами.

— Британец, — гордо произнесла соседка и, вручив Павлу туалетный лоток и банку с кормом, с облегчением удалилась.

Кот, благородную кличку которого он моментально забыл, не успела закрыться дверь, оказался настоящим экстремистом. Он беззастенчиво ходил по столам, висел на занавесках, залезал в тарелки, драл диван и, разумеется, гадил везде, кроме своего лотка.

Вот и сейчас следы на полу говорили о том, что британец плотно покушал, хотя помещенные в коридоре миски с кормом и молоком стояли нетронутыми. Нет, он что-то ел, и много, где, спрашивается, нашел, гад, потому что его не только пронесло, но и стошнило. Английский пациент, мирно спавший на хозяйской подушке, чудом избежал расправы: потому что рука Павла уже почти коснулась его загривка, но... слаб человек. Павел издал несколько протяжных вздохов и с отчаянием обреченного, принялся за уборку.

Уже через час пол в мастерской сверкал чистотой, позвякивая ложками, гудела посудомоечная машина, на диване высилась стопка вещей, приготовленных в химчистку. Павел достал из сумки рабочий жилет, особенно ценимый им за множество удобных карманов, и с пристрастием осмотрел масляные пятна.

Из бокового кармана выпал и завалился под стол мятый желтоватый листок. Кот мгновенно зацепил его лапой и, сде-

лав пару кульбитов, стал возить по полу. «Нет, так дело не пойдет. Ты мне опять тут грязь разведешь», – подумал Павел. Добычу, захваченную английским пациентом, пришлось отобрать. Но рука его, потянувшаяся было к мусорной корзине, застыла в воздухе. Павел развернул бумагу. Листок оказался исписанным старообразным убористым почерком. Страничка была без начала. Строчки шли ровными рядами, буквы четкие, круглые, с росчерком. Пригляделся – ба-а-а! Да тут «яти», и текст по-итальянски имеется. Это еще откуда взялось? Вот чудеса. Кто бы это мог?.. Глаза пробежали строчку за строчкой, пока не уперлись в стоявшую в самом низу подпись. Изящная, не размашистая, и вместе с тем не без пафоса... Carl Brulloff.

Удивление ураганом пронеслось у Павла по лицу... чудеса продолжались.

Он присел на краешек дивана и углубился в чтение. Но все, о чем читалось, не задерживаясь, мгновенно вылетало из головы. Он понимал только одно – перед ним доказательство. Документ, подтверждающий его правоту! Все, что с ним случилось, – не фантазия, не бред больного воображения... ЭТО БЫЛО. БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ.

12. Письмо

Мадейра, Фуншал, 1851 г.

Болезнь моя вынудила меня взять нового доктора, владеющего дивным секретом излечивать сердечные недуги, и уже три опыта, как мне сказывали, служат тому подтверждением. По прошествии четырех недель положение мое улучшилось. В подтверждение признательности моей доктору я предложил написать портрет маслом его молодой жены. Что же касается рода, в котором госпожа Элена Гомэш пожелала иметь картину, тут приключилась забавная история. Будучи большой поклонницей Востока, где она провела несколько лет, Элена пришла в восторг в ответ на мое шутовское предложение изобразить ее на манер одалиски. Два дня кряду в мастерскую мою в Quinta da Rosas по ее распоряжению сносили всякий восточный хлам, из которого я, устав противиться, отобрал два-три предмета.

Нынче портрет почти окончен, и я, не имея иной возможности рассказать тебе о результатах, представляю подробное его описание.

Вообрази себе обитательницу гарема, облокотившуюся на ложе из подушек и валиков, с черными локонами распущенных волос, облаченную в шальвары.левой рукой она обнимает тонкой работы кальян, правая небрежно закинута за го-

лову. Полная гладкая шея украшена смарагдовым ожерельем в виде двух переплетенных меж собою змей, ставшим чуть ли не причиною наших разногласий, расставаться с ним госпожа докторша наотрез отказалась. За окнами проглядывают покрытые дымкой горы Felice isola di Madeira, послужившие источником вдохновения для еще одной моей работы, о которой непременно тебе напишу, потому что ничья благосклонность не будет мне лестнее, чем твоя.

Прижимаю тебя к своему слишком часто быющемуся сердцу, твой постоянный друг

Carl Brulloff.

13. На выставке

Москва, август 20... г., офорт

Выставка, о которой говорила Милка, находилась в буквальном смысле на шишигином болоте. Каширское шоссе, четыре остановки на автобусе от метро, свернуть во дворы... Как житель центра, Лиза редко выбиралась в новые районы и, откровенно говоря, с большой неохотой. Метро знала плохо, так как работала в двадцати минутах ходьбы от дома. И думать было нечего добираться туда на гортранспорте – сгинешь. Прикинув, во что может встать поездка на такси, она тяжело вздохнула. Денег было, конечно, жалко, но... с другой стороны, как она на каблуках, с прической, нарядная потащится на край Москвы? Сомнения улетучились, и она продолжала наматывать круги по квартире, то добавляя к своему туалету какую-то деталь, то поправляя прическу, то меняя туфли на босоножки, то отхлебывая из бокальчика холодный коктейль. Звонок мобильного прервал затянувшиеся сборы. Трубка бодро сообщила, что «они с Любишем уже выехали и будут ждать ее в холле в семь часов». Потоптавшись напоследок у зеркала, Лиза поправила еще не совсем высохшие кудри и вышла из дома. Опоздав на полчаса, она с трудом протискивалась сквозь бурлящую толпу. Художники, критики, фотографы и прочие праздношатайки оживлен-

но беседовали и смеялись. Было жарко, липко. Официальная часть мероприятия задерживалась. Едва различив в толпе Милку с каким-то бравым красавцем, почти что Marlboro-меном, правда, пожалуй, чересчур молоденьким, отчего про себя Лиза определила его как Marlboro Light, она начала плавно продвигаться в их сторону. Вдруг ряды посетителей пришли в движение. Всех пригласили в зал. Там, под светом вспышек, в окружении гостей стояла крупная, коротко стриженная женщина лет тридцати пяти, виновница торжества художница Наталья Ротс.

Как только она заговорила, Лизе стало ясно, что живой отсюда не уйти. Громкий, хорошо поставленный голос сообщил, что выставка картин приурочена к созданию Художественного фонда Зигмунда Фрейда, который она, Ротс, собственно, и возглавляет. Не без гордости Наталья призналась, что уже несколько лет ее посещают знаковые сны, которые она, не решаясь передать психотерапевту, доверяет холстам, постигая таким образом основы психоанализа. Для нее живопись – это то самое «говорящее лечение», о котором писал Фрейд, так на немецкий манер называла его художница. Далее для более глубокого понимания ее работ, а также в качестве иллюстрации конфликта между чувством долга и вожделением, художница решила-таки пересказать какой-то из своих снов. На этом этапе Лиза перестала слушать и, отделившись от взгрустнувших гостей, стала рассматривать картины. Среднестатистическая работа представляла примерно

следующее: под неким концептуальным, небрежно выписанным образом (будь то дерево, гроб или собачья морда) была проведена жирная черта. Нижняя половина холста полностью посвящалась цитатам мэтра психоанализа. Чувствовалось, что Наталья Ротс каллиграфом не являлась и отдавала предпочтение скорописи. Получив некоторое представление о творчестве художницы, Лиза завертела головой в поисках Милы. Собравшиеся тем временем, прослушав наиболее интимную часть спича и отдав должное смелости и красноречию художницы, стали поглядывать на часы.

Ощувив хлопок по плечу, Лиза обернулась и увидела, впрочем, не сразу узнав, Лешку Машковского, давнишнего, еще школьной поры, приятеля.

– Привет, Лизка. Ты т-т-тоже тут? П-п-приятный сюрприз.

– Вот так встреча, Лешка, сколько лет... очень рада тебя видеть.

– Сейчас фуршет в третьем зале. П-п-пшли...

Теперь она отчетливо вспомнила, что несчастный интеллигентный Лешка еще тогда, в школе, ужасно заикался, но, несмотря ни на что, нисколько не робел и, можно сказать, даже любил поболтать. Правда, беседы с ним, особенно когда он что-то рассказывал, носили изнуряющий характер, и нетерпеливой Лизке с трудом удавалось продержаться до развязки.

Стоявший рядом с Лешкой высокий темноволосый гос-

подин, внимательно рассматривающий Лизу, заулыбался и, кашлянув, настойчиво затеребил его рукав.

– А! Забыл, па-а-зволь тебе представить моего друга Па-а...

– Павел, – быстро договорил господин и, не отрывая от Лизы взгляда, церемонно приложился к ее ручке.

– Он тоже ху-у-дожник, – пояснил Лешка.

«Вот и еще одно дарование. Неужели такой же, как Наталья Ротс», – подумала Лиза.

– Копиист, – эхом отозвался Павел и улыбнулся. «Ну, это другое дело!» – решила про себя Лиза.

– А эта кра-а-савица – Лиза, моя давняя зна-а-комая, но чем она занимается, я не знаю. Потому что давно ее не ви-и...

– Действительно, красавица, – подтвердил копиист, на лице его снова заиграла обаятельная улыбка.

– Красавица занимается полиграфическим дизайном, – объяснила Лиза и подумала, что они славно болтают... одна улыбается, другой заикается, а Милка с кавалером пропала.

– А вы, Павел, все время улыбаетесь?

– Разве?

– Да-да, смотрите на меня и улыбаетесь!

– У вас лицо смешное...

– Ни-и-чего себе ко-омплимент! – влез Лешка.

– В смысле живое... – смутившись, тут же исправился Павел.

– Ну, живое – не мертвое. А как вам выставка? – сменила тему Лиза.

– Я не критик... – коротко отозвался копиист.

– А тебе, Леш?

– Я – лицо п-пристрастное, потому что Наталья – моя су-у-пруга. Мое дело маленькое – ф-фуршет. Пойдемте уже, что ли, выпьем?

– Как? Ты? Муж?

Ледоколом разрезая толпу гостей, к ним стремительно приближалась красная, как помидор, Милица, за ней, едва поспевая, шагал Marlboro Light.

– Вот и мы! Добрый вечер. Лиза, я тебя потеряла, какая тут жара, очень пить хочется, где же фуршет, почему кондиционер не работает, здравствуйте, я – Мила, а это мой старинный знакомый Любиш. – Она тараторила, как обычно, и в заключение выразительно посмотрела на Лизу, которая едва успела подумать, что надо бы ее предупредить про мужа, как... о, ужас! Поздно!

– Ну, как вам выставка? – азартно спросила Мила и сделала сладкое лицо. – Я, конечно, не специалист, но такого кошмара давно не видела. Что-то вопиющее... а речь-то вы ее слышали?

В отчаянии Лиза делала ей знаки, кивая на Лешу. Павел, взглянув на нее, снова разулыбался, к счастью, волна оживления прошла по рядам, и приунывшая было публика хлынула в соседний зал с накрытыми столами.

– Что-то тут жарковато. Может, мы тоже чего-нибудь выпьем, Леш? – спросила Лиза. В зале было действительно душно. И Лешка охотно ее поддержал.

– Ну кто тебя за язык тянул. Эта художница его жена, – Милке в ухо процедила Лиза.

– Да? Ну и пусть! Пусть знает, что женился на сумасшедшей.

– Она не сумасшедшая, она просто денег хочет.

За щедро накрытыми столами найти место оказалось задачей не из легких.

Видно было, что ради творчества жены Лешка ничего не жалел. Посетившая добрую сотню всяких презентаций Лиза поразилась обилию водки. Нет, вина и шампанского тоже было вдоволь, но водка... С одной стороны – лето и чудовищная жара, а с другой – десятка полтора художников среди собравшихся. Так что конфликт чувства долга и вожделения Натальи Ротс рискует обернуться выбитыми зубами. Пока же приглашенные весело гремели бокалами и тарелками.

Их компания заняла небольшой пяточок у самого края стола, где было менее людно. Лешка, извинившись, отлучился, как он сам выразился, делать ре-реверансы.

– Я сам слышал о вас от Милы, вы такая шармантная. Что вам предложить? – вспомнив о своем «жениховстве», спохватился Любиш. Он говорил с забавным сербским акцентом, смешно расставляя ударения в словах.

– Спасибо, Любиш, это очень любезно, принесите мне, пожалуйста... вина.

– Сударыня, выпейте лучше водки. С ней жара уходит. – Все четверо обернулись к говорившему соседу по столу. Вид у него был добродушный. В бороде и усах он ужасно походил на Николая II.

– Очень сомнительное утверждение. В первый раз такое слышу, – сразу отозвалась Мила, которой непрошенные советы соседа, конечно же, не понравились. – Возьми мне, Любиш, пожалуйста, тоже бокал ВИНА.

На место Любиша рядом с Лизой тут же проворно просочился копиист. Высокий, с хорошей осанкой, слишком аккуратно для художника одетый, с внимательными карими глазами, он стоял около Лизы, то и дело поглядывая на нее и не решаясь начать разговор.

– Значит, говорите, вы – копиист? Редкая профессия, не так ли? – прервав молчание, спросила Лиза.

– Совершенно справедливо, профессия – редкая. Нас действительно очень немного, – охотно подхватил Павел и улыбнулся.

– Вот, вы опять улыбаетесь. Ах да, у меня лицо смешное.

– Ну нет, я же объяснил, не смешное, а живое. У вас очень богатая мимика.

Но Лиза отвлеклась, краем глаза она увидела, как Любиша и Милицу осаждает «Николай II». Он благодушно басил про неоднородность современного искусства и по-светски рас-

кланивался с проходящими мимо, кому-то жал руку или кивал, ни на минуту не отпуская от себя Милицу.

— А вот этот тип и еще с ним, — бросил он вслед слащавому господину с напояженными волосами, ни рукопожатия, ни кивка тому не досталось, — современное искусство нещадно эксплуатирует. Нагло, цинично, варварски... Все бы им за бесценок хапнуть.

— А кто это? — поневоле втянувшись в беседу, спросила Милица.

— Да, по большому счету, никто, просто Эдя Лейчик, проныра и торгаш, — ответил «Николай II».

— Вы напрасно так категорично обо всех... Конечно, Лапёхина... Ротс — это, кстати, ее творческий псевдоним, мы с ней вместе в 905-го учились... между прочим, Ротс по-немецки «козьявка»...

— В смысле насекомое? — спросила Милка.

— Нет, в смысле в носу.

— Фу, какая гадость!

— Да, Наташка, знаете ли, любит эффектные жесты, феномены, тут кто на чем, а она на феноменах выезжает...

— А у вас, Павел, простите, я отвлеклась, есть творческий псевдоним? — спросила Лиза.

— У меня — нет, да и зачем... копиистам это не полагается, — после паузы произнес Павел, и улыбка его стала немного грустной. Неожиданно его охватило необъяснимое желание поделиться с этой милой, почти случайной собеседни-

цей тем, что так долго мучило его, давило, мешало жить и работать... Ведь он художник, это его настоящая профессия. В голове слегка зашумело от вина или от жары, а перед глазами замелькали, как кадры кинохроники, далекие и счастливые институтские годы.

На самом деле свое решение поступать именно в Суриковский Павел, как мог, скрывал и озвучил родителям его в последний момент. Как-то незаметно подкрались выпускные, а за ними вступительные экзамены. Семью залихорадило. Мама ходила, заламывая руки: «Что же это такое! Вот наградил бог сыном! Был бы нормальный, как все дети. Вон, Шурочкина Ирка поступила в прошлом году в Мориса Тореза. И я бы тебе помогла, и французский у тебя неплохой. Ты что? В армию захотел? Очень хорошо! Пусть тебя отправят в Афганистан! Тут ведь у нас ни связей, ни поддержки. Ты хоть знаешь, что в Суриковский твой по десять лет поступают? И военной кафедры там нет! Нет, ну не идиот, скажите?» Мама пускала слезу, звала отца, звонила бабушке.

– Павлуш, я все понимаю, у тебя увлечение. Так никто тебе не запрещает. Ну, может, отнесем документы на Метростроевскую?

Но Павел молчал и уверенно держал оборону, и даже мамы слезы не могли ее пробить. Внутри у него сидела непонятно откуда взявшаяся уверенность, что все будет хоро-

шо, у него получится.

Мамин бубнеж – она взяла отпуск и все время находилась при нем – прекратился, только когда она вместе с Павлом оказалась в Товарищеском переулке с папкой работ для творческого конкурса.

Следующие недели прошли как во сне... усталые лица членов приемной комиссии, молоденькие девчонки с красными носами и платочками, взрослые мужики-абитуриенты, непрерывно курившие у входа, душные экзаменационные залы.

И вот наконец после томительного ожидания, бессонных, беспокойных ночей раздался звонок. Это была Наталья Николаевна, первая учительница Павла в художественной школе и мамина подруга:

– Все отлично, Павлуш. Я звонила в приемную комиссию приятельнице. Ты – в списках. Молодец! Поздравляю. Я всегда в тебя верила. Теперь учись как следует, у тебя талант – а это обязывает!

Стены, шкаф, книжные полки, улыбающаяся мама – все закрутилось и заплясало перед глазами. Он схватил маму в охапку и, оторвав от пола, неуклюже расцеловал. «Je suis heureux!»⁴ – закричал он во весь голос, а комната как будто наполнилась солнечными зайчиками. Он знал, всегда знал, с того самого сентября в четвертом классе, когда бабушка отвела его в Дом пионеров, Павел был уверен, что обяза-

---

⁴ Я счастлив (фр.).

тельно будет учиться и станет художником! Первоклас-
ным художником!

Постэкзаменационная эйфория прошла быстро. Уже по-
сле первого семестра можно было уверенно поделить весь
коллектив первокурсников-живописцев – а они в институте
были самыми многочисленными – на две основные группы. К
первой, «транзитной», относились прохлаждающиеся, кто
продержится в институте год, много два, во вторую груп-
пу, «стойков», входили те, кто имел шанс дотянуть до ше-
стого дипломного курса или, во всяком случае, производил
такое впечатление. Учиться было непросто. В Сурке, на-
следовавшем традиции Академии художеств, испокон века
царила трудовая атмосфера. Это была самая настоящая
муштра, со студентов сгоняли семь потов, чтобы воспи-
тать «хищный глазомер», точность линий, чувство пропор-
ций, быстроту схватывания «композиционных благозвуча-
ний».

Впрочем, Павел, еще в художке приучивший себя не сует-
иться, не жаловался, терпеливо постигал и основы рисун-
ка, и законы композиции, и правила цветового баланса, хо-
тя многое из того, что говорилось, было для него уже по-
вторением пройденного. Он умел молча делать то, что от
него требовалось, не торопясь по каждому поводу самовы-
разиться.

К третьему курсу его начали замечать и выделять сре-
ди прочих студентов. Нарботанное техническое умение по-

степенно стало входить в «союз с яркой творческой индивидуальностью». В его работах чувствовались и «поставленный глаз», и острая, почти неестественная наблюдательность, и внимание к незначительному, не бросающемуся в глаза. Казалось, он умеет замечать то, чего не видят другие. Было у него и другое редчайшее для художника свойство – юмор. Не остроумие, не ирония, обращающая рисунок в шарж или карикатуру, а именно юмор, заставляющий взглянуть на привычное другими глазами.

На четвертом курсе Павел со всей страстью увлекся портретным жанром. *Portraire* – говорила мама, – происходит от старофранцузского языка, то есть «изображать». Вот именно этому изображению он и посвящал все свое свободное время. От копирования классиков он перешел к автопортрету, потом перекинулся на портреты близких, соседей, приятелей, мучая их изнурительными сеансами позирования. Сидя, стоя, лежа, за работой, в полный рост, оплечено, акварель, гуашь, уголь, тушь, масло, акрил, смешанная техника... Он пробовал все, отважно экспериментировал, повторяя где-то услышанное: «Гениальное – это когда ЧТО и КАК рождается одновременно».

Не статус, а личность, не только передача внешнего облика, но раскрытие внутренней сути, не натянутая самодемонстрация модели, а естественное «предстояние» и, конечно, убедительная жанровая мотивировка – отличали его творчество.

Он всегда таскал с собой блокнот для набросков, которым доводил и близких и однокурсников до исступления.

Невинная мамина просьба купить к приходу гостей соль, хлеб и нарзан часто оборачивалась страшным криком. Бигуди-катыши на маминой голове, фартук поверх вечернего платья и суетливая мельтешня по кухне могли настолько его увлечь, что, сидя с блокнотом, он забывал и про хлеб, и про нарзан, и про гостей.

Теперь, по прошествии стольких лет, он даже не мог точно припомнить, когда именно началась эта чудовищная фантасмагория с портретами, перевернувшая всю его жизнь. Может, на четвертом курсе? Хотя нет, пожалуй, все началось с того самого вечера, когда в гости к родителям пришел папин друг Петр Михайлович.

Это было в канун какого-то революционного праздника из ныне отмененных. Человек он оказался интересный, яркий, как и отец, работал в Министерстве внешней торговли и объездил полмира. В каждый свой приход он потчевал их курьезными рассказами про свои поездки, про то, как шведский миллионер влюбился в солистку экспортного цыганского хора или как нашего спортсмена, решившего остаться на Западе, отлавливали кагэбэшники. В какой-то момент, заметив на стене одну из картин Павла, он стал расспрашивать его об учебе и, заинтересовавшись, отправился к нему в комнату смотреть работы. Вернулся дядя Петя с твердым намерением заказать у Павла свой портрет:

– Настоящего художника вырастили и молчите! Талант в землю зарываете.

– Его, пожалуй, зароешь, – отозвалась мама. – Вон, все стены увешал. Складывать некуда.

Она все еще оплакивала его несостоявшуюся карьеру переводчика.

– Талант надо поддерживать, – тоном, не терпящим возражений, произнес дядя Петя и принялся обсуждать будущий заказ. Он даже предложил Павлу довольно приличный гонорар, что, конечно, привело родителей в ужас.

– Нет, дорогие мои, каждый труд должен оплачиваться! А тем более – творческий! – настаивал дядя Петя.

Павел был в восторге и так хотел оправдать надежды, что не спал ночами, вынашивая концепцию будущего портрета. Помнится, уже сделав фотографии и набросок углем в интерьере дяди-Петинового кабинета, он никак не мог определиться и в результате написал два варианта, абсолютно разных. Один – в старых традициях изобилующий деталями. По замыслу Павла статуэтки, книги, экзотические детали обстановки были не просто обрамлением человеческой фигуры, а несли свою сверхзадачу. Они участвовали в композиции почти на равных, отражая характер портретируемого и его привычки. В другом варианте, используя прием *a la prima*, Павел, наоборот, отказался от всего лишнего. Лаконичность, стремительность, широкие свободные мазки и... работа была окончена в три часа. Мама пришла в

восторг именно от нее. Но сам Павел, так и не сумев выбрать, который из двух портретов лучше, отдал сразу два. На устроенном по этому поводу ужине Павел чувствовал себя настоящим героем. Успех был безоговорочный. «Такие разные, и везде Петька прямо как живой». И никаких предчувствий...

Потом прошло какое-то время, и появилась его школьная подруга Ляля. Ей тоже захотелось портрет, но только двойной, вместе с мамой. Павлу эта идея понравилась. Они были очень похожи – Наташа, Лялина мама, так, без отчества, ее все и звали, и дочка, – обе миниатюрные, светлоглазые, коротко стриженные шатенки, уютные, милые, женственные. Работа могла получиться очень занятной, как в детском журнале, «найди семь отличий», похожи, но все же разные. На сеансах позирования он буравил их глазами, пытаясь подметить все мельчайшие детали несходства.

Случай подсказал ему неожиданное решение: в столовке на Масловке, где в особенно торжественных случаях он заказывал подрамники у мастеровитого Петровича, в тот день не оказалось нужного размера, и он выбрал два одинаковых, поменьше. Тут же в голову пришла идея «разнести» каждую из моделей на свою половину. Что-то вроде диптиха. В едином композиционном пространстве светлой, изящно обставленной гостиной, по обе стороны большого круглого стола, покрытого кружевной скатертью, сидели две женщины. Каждая на своей половине. Нежная, теплая без

нароचितости охра их объединяла и уравнивала. На коленях у дочери царственно восседал большой рыжий кот. Мать держала в руках книгу. Из интерьера гостиной на портрет с ювелирной точностью переместились вазы, фотографии в ажурных рамках, лиана, ползущая по стене. «Важна каждая мелочь, каждая деталь, здесь нет места малозначительному», – рассуждал Павел и работал как сумасшедший. Увидев готовый диптих, дамы захлопали в ладоши и принялись расхваливать его на все лады:

– Замечательно. Какой цвет! Какая техника!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.